

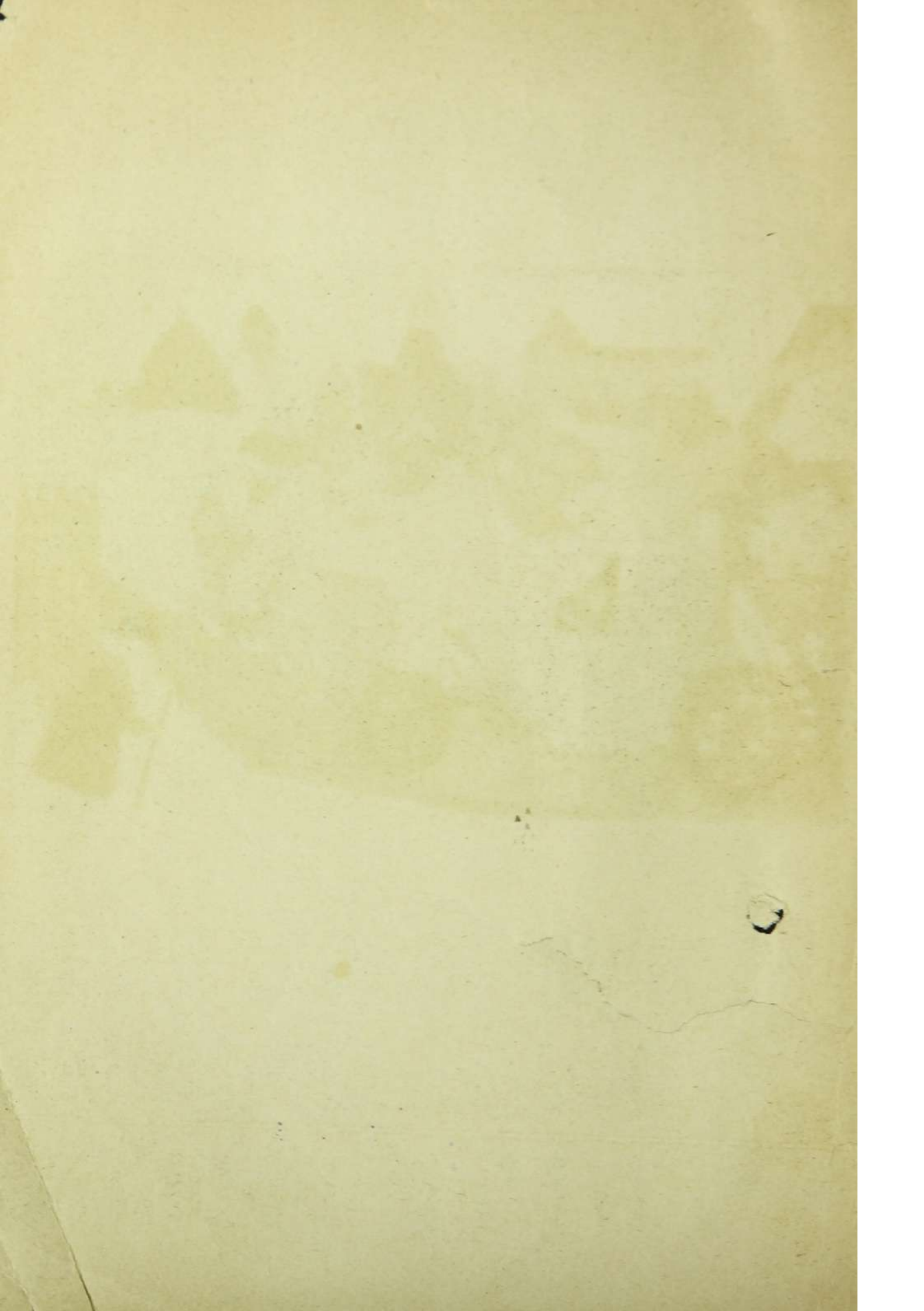
Б.И.Дунаевъ.

Библиотѣка старорусскихъ
повѣстей

Исторія о россиѣ-
скомъ дворянинѣ
Фролѣ Скобеевѣ

Н. Фрейман.

Исторія

о Сіеиномъ дворянинѣ Арсѣ Спосеелѣ.

Або во ⁴⁷новолордонѣ убъзе имѣя дворяни Арсѣ
 спосеелѣ въ то же новолордонѣ убъзе имѣя дворяни
 сталкина нардина нащудина котѣ воднодѣлѣ
 додѣ на снужина нащудина ани и правѣ Арсѣ
 спосеелѣ отъ тои дѣлѣ водѣрѣ наъзе себѣ нащудина
 нѣ что водмѣтъ водѣне стѣ ащудина тои
 нащудина грѣво пово пощудина ащудина, одна по
 умбисѣ отъзнаца то вѣдѣнѣ стѣ нащудина жѣта
 велѣа вѣдѣ вѣдѣ во принащудина и танѣловѣ
 вѣдѣна судѣа бы Арсѣ спосеелѣ у того принащудина
 на вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ принащудина и тому принащудина
 щудина нащудина додѣна сталкина нардина нащудина

Копія начальнаго текста печатаемой рукописи.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

48647 ✓

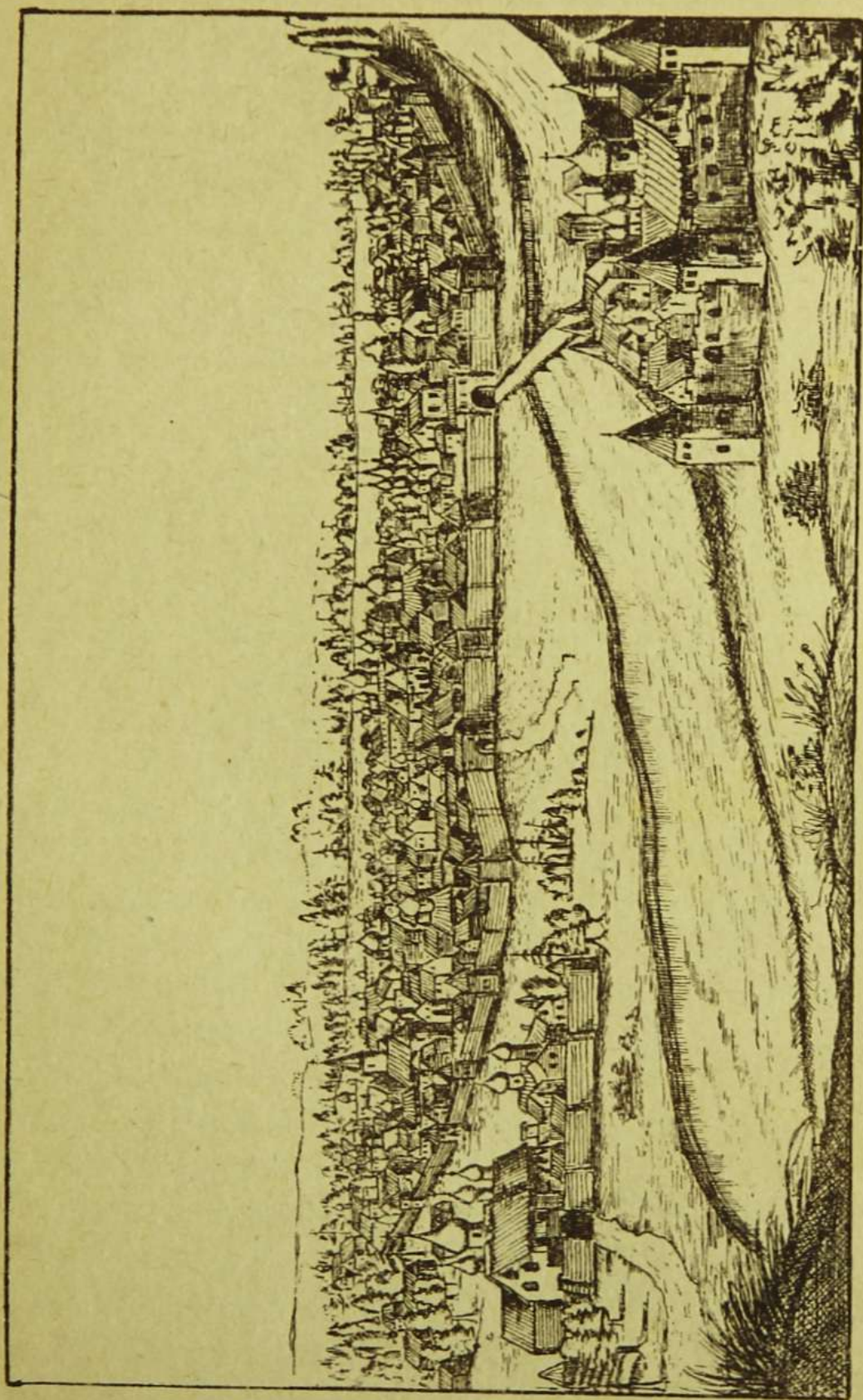

ИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМЪ ДВОРЯНИНЪ ОРОЛЕ СКОБЕЕВЕ.

1680-го году в Новгородскомъ уѣздѣ имѣлся дворянинъ Оролъ Скобеевъ; в том же Новгородскомъ уѣздѣ имелись вотчины спол(в)ника ¹⁾ Нардина Нащекина; и в тех вотчинах имѣлас(в) дочь ево Аннушка и жила в них; и провѣдав Ороль Скобеевъ о той спол(в)ничьей дочери и взявъ себе намерение, чтобъ возыметъ любление с тою Аннушкою; токмо не знаетъ, чрезъ кого получит(в) (случай) видетъ ея; однако ж умыслил опознанца той вотчины с прикащиком і спал всегда ездит(в) в домъ ево, прикащика; и по некоемъ времени случился быт(в) Оролъ Скобеевъ у того прикащика в доме и в то же время пришла к тому прикащику мамка дочери спол(в)ника Нардина Нащекина, и усмотря Оролъ Скобеевъ, что та мамка живетъ всегда при Аннушкѣ; и как пошла та мамка от прикащика к госпоже своей Аннушке, тогда, вышед за нею, Ороль Скобеевъ и подарил ту мамку двумя рублевиками и та мамка

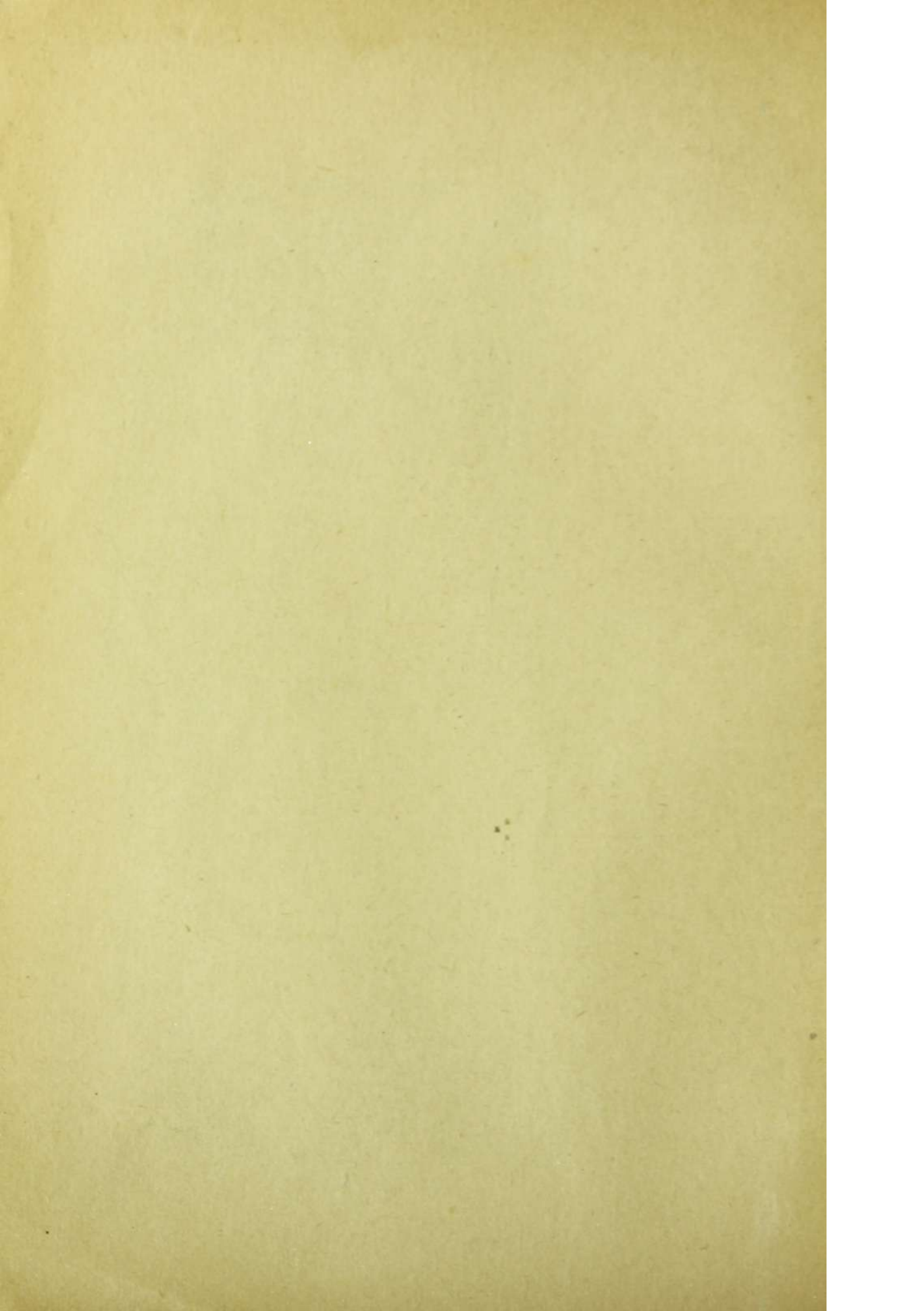
¹⁾ Придворный чинъ въ древней Руси.

об(ъ)явила ему: «Господинъ Скобеевъ, не по моим заслугам такую милость казать изволишь! То уже конечно моей услуги к вам никакой не находипца!» И Орол Скобеевъ отдал денги той мамке, ничего с ней не говорил, пошел от нея прочь и мамка пришла к госпоже своей Аннушке, и пришед ничего не об(ъ)явила. И Орол Скобеевъ посидел у того прикащика и пошел в домъ свой. I во время увеселител(в)ныхъ вечеровъ, которые бываютъ в веселость девичеству, называемые Святки, и та дочь стол(в)ника Нардина Нащекина, называемая Аннушка, приказывала мамкѣ своей, чтоб она ехала ко всемъ дворянам, которые в близости их вопчин имѣютъ жител(в)ства, и у которыхъ дворянъ имѣютъ дочери девицы, чтоб их просить к Аннушкѣ на вечеринку для веселости; и та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушкѣ; и потому еѣ прошению обещались все быть; и та мамка вѣдаетъ, что у Орора Скобеева есть сестра девица, и поѣхала мамка в дом Орора Скобеева и просить сестру ево в дом госпожи своей Аннушки на вечеринку; и та сестра ево об(ъ)явила мамке: «Пожалуй, подожди мален(в)ко, я схожу к брату своему доложу: ежели он прикажет, то я вам с темъ объявлю!» И как пришла сестра ко Орору Скобееву, и об(ъ)явила ему, что: «Приехала мамка от стол(в)ничьей дочери Аннушки и просит меня, чтоб я приехала к ней в домъ на вечеринку». И Орол Скобеевъ сказал сестре своей:

«Новгородъ - Великій».

(Изъ «Путешествія Олеарія въ Россію». XVII в.).

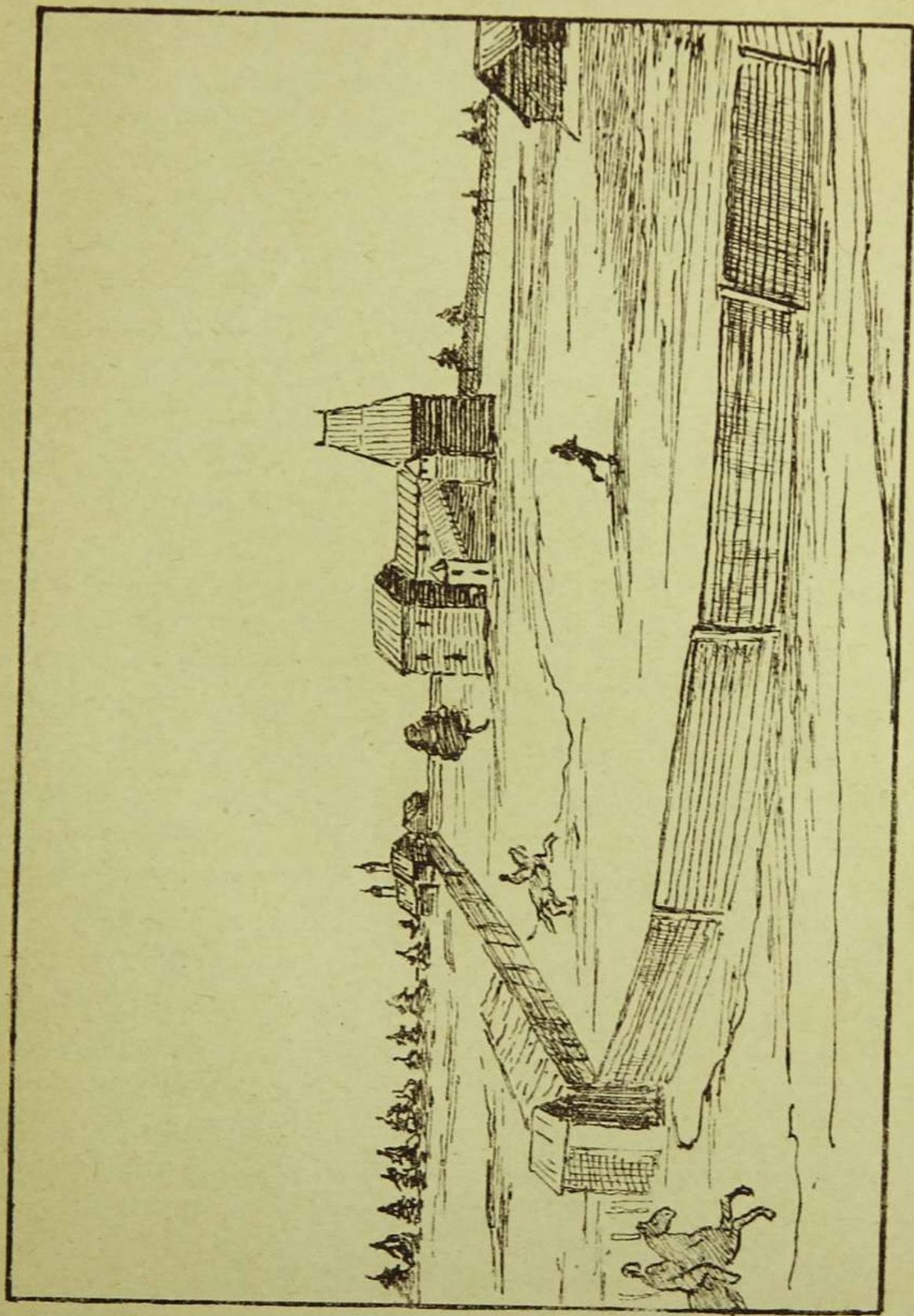

«Поиди, скажи той мамкѣ, что ты будешь не одна, но будешь(в) ¹⁾ некоторого дворянина з дочерью девицею». И та сестра ево о том вѣс(в)ма думает, что братъ ее повелѣл сказать(в); однако ж не смела преслушат(в) воли брата своего (и сказала), что она будетъ к госпоже еѣ сей вечер с некоторою дворянскою дочерью. И та мамка поехала в дом госпожи своей Аннушке. И Орол Скобеевъ стал говорит(в) сестре своей: «Ну, сестра, пора тебе убиратца ехать в гости!» И та ево сестра стала убиратца девическим уборомъ, и Орол Скобеевъ сказал: «Принеси, сестра, и мнѣ девичей уборъ! уберусь и я и поедемъ вмѣстѣ с табою к Аннушке, к спол(в)ничьей дочери!» И та сестра ево вел(в)ми о томъ сокрушалас(в), понеже, ежели признаютъ его, то: «Конечно будетъ (въ) великой бѣдѣ братъ мой, а спол(в)никъ попъ Нашекин в великой милости при царѣ!» Однако ж не преслуша воли брата своего, принесла ему девичей уборъ, и Орол Скобеевъ, убрався в девичье платье, и поехали с сестрою своею к спол(в)ничьей дочери Аннушкѣ. И какъ приехали, уже много собралос(в) дворянскихъ дочерей у той Аннушки, и Орол Скобеевъ шутъ же в девичьемъ платьѣ, и никто ево не можетъ познать.

И стали все девицы веселитца разными играми, и веселилис(в) долгое время, и Орол Скобеевъ с ними же веселится, и никто ево познат(в) не мо-

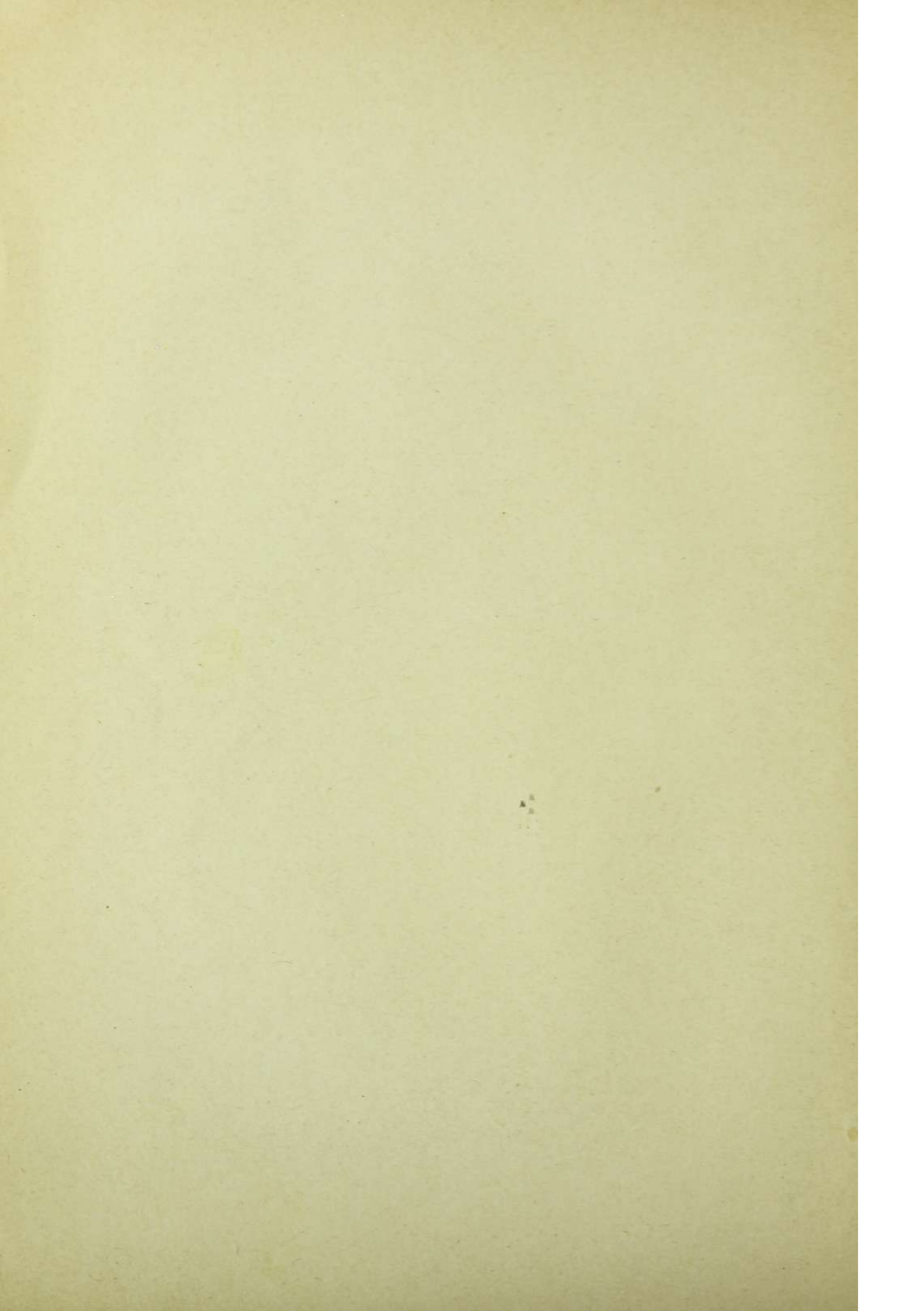
¹⁾ Въ рукописи: «будетъ».

жет. И потом Орел Скобеевъ пожелал итти и спать и говорит(в) мамке: «Ах, моя свѣпъ-мамушка! много наших сестръ здес(в) и пвоей услуги ко всякой много, а некоторая, надеюс(в), тебя не подарит!» И мамка не можетъ призна(в), что он Орел Скобеевъ. И Орел Скобеевъ, выняв денегъ 5 ру(блей), и подарил пое мамку. Мамка же с великим принуждением взяла те ден(в)ги; и Орел Скобеевъ видит, что мамка его призна(в) не можетъ, и пал на колени еѣ и об(ъ)явил ей, что он дворянинъ Орел Скобеев и приехал в девичьемъ уборе для Аннушки, чтоб с нѣю имет(в) обязатель(в)ную любовь; и как усмотрела мамка, что он подлинно Орел Скобеевъ, и стала в великом сумнен(і)и и не знает, что с ним делат(в); однако ж, памятуя ево к себе два многия подарки, и рече: «Добро, господинъ Скобеевъ, за пвою ко мнѣ благосклонную милость готова чинит(в) по воли пвоей всякое вспоможение!» И пришла в покой, где девицы веселятся и никому о томъ не об(ъ)явила. И стала та мамка говорит(в) госпоже своей Аннушке: «Полна те, девицы, игра(в)! я вам объявляю другую игру, как мы смолоду играли!» И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала говорит(в): «Ну, мамушка-мамушка, как пвоя воля на все наши девичьи игры?» Об(ъ)явила та мамка игру им: «Извол(в), мамушка, Аннушка! ты будь невѣстоі—а на Орела Скобеева указала—а сия девица—женихом!» и повелѣ их (вести) во особ-

«Старо-русская боярская усадьба».

(Изъ «Путешествія Майерберга въ Москву въ 1661 году»).

ные свѣтлицы ¹⁾ какъ водится, в свад(в)бе. И те девицы пошли их провожат(в) до тех покоевъ и обратно пошли в веселы(и) покои, в которыхъ веселилис(в). И та мамка велѣла девицамъ громогласныя петь песни, а сестра Орола Скобеева вес(в)ма была в печали, сожалѣя брата своего, и чается (ей), что, конечно, будетъ припчина ²⁾. И Орол Скобеев и об(ъ)явил о себе (Аннушкѣ), что он—Орол Скобеевъ, дворянин новгородской, а не девка. И Аннушка не вѣдаетъ, что пред ним отвѣтствоват(в) и стала быт(в) в великомъ страхе, и Оролко, не взирая ни на какой себе страхъ, былъ очень отваженъ. Потомъ просила та Аннушка Орола Скобеева, чтобъ он не обнесъ ³⁾ еѣ другимъ. Потомъ мамка и все девицы пришли в тотъ покой, и девицы никто не могутъ признатъ Орола Скобеева; и та Аннушка никому о томъ не об(ъ)явила, тол(в)ко взяла мамку свою за руку и отвела в особливую полату и стала говорит(в) искусно: «Что ты, проклятая, надо мною зделала,—это не девица со мною была,—он, мужественной челоуѣкъ нашего града, Орол Скобеевъ!» И та мамка ей об(ъ)явила: «Истинно, милостивая государыня, никакъ не могла признат(в) и думала, что онъ таковая жъ девица, а когда он (такъ) учинил,—у насъ людей много, можемъ ево вовсе укрыв(в) в тайное мѣсто!» И та Аннушка, сожа-

¹⁾ „Свѣтлица“—горница, чистая, свѣтлая комната.

²⁾ „Припчина“—бѣда, неприятный случай.

³⁾ „Обноситъ“—оклеветать, оговаривать, говорить напраслину.

лея ево, Орола Скобеева, понеже он тот час вложил жалость в сердце еѣ, и рече: «Ну, мамушка, уже быт(в) такъ!» И пошли все девицы в веселой покой, с ними ж и Орол Скобеевъ в девичьемъ уборе, и веселилис(в) долгое время ночи; потом все девицы спали имѣт(в) покой. Уже тако жалость вселилас(в) в сердце Аннушкино, что великою нуждою отспала от Орола Скобеева. И на утро встав, все девицы отдали благодарение Аннушкѣ за доброе еѣ угощение и поехали по домам своим, тако ж и Орол Скобеевъ поехал с сестрою своею, но Аннушка отпустила всех девицъ, а Орола Скобеева і с сестрою своею оставила у себя. И Орол Скобеевъ был у Аннушки три дни,—все в девичьемъ уборе, чтоб не признали служители дому того, и веселился все с Аннушкою и, по прошеств(і)и трех дней, поехал в дом свой и с сестрою своею. И Аннушка подарила Орола Скобеева: (дала) нескол(в)ко червонных,—и с того времени гол(в)ца Скобеев розжился и стал жит(в) роскошно и делал банкеты ¹⁾ с прочею своею братвеею дворяны. Потом пишет отецъ еѣ из Москвы Аннушке, стол(в)ник Нардин Нащекин, чтоб она ехала немедленно в Москву для того, что сватаются к ней женихи хорошия, стол(в)ничьи дети. И Аннушка, хотя с великою неволею, не хотя преслушатъ воли отца своего, поехала к Москве. Потом, провѣдав Орол Скобеев, что Аннушка уѣхала в Москву, и

¹⁾ „Банкеты“—пиръ, столованье, званый обѣдъ.

«Московскій служилый человек».

(Изъ «Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ»).

стал в великом сумнен(і)и,—не знаетъ, что дѣлать, для того что дворянин небогатой и имѣет пропитание (только тѣмъ), что всегда ходит в Москвѣ за делами поверенным. И взяв (онъ) себе намерение, чтоб имѣющияся у него пустоши ¹⁾ заложит(в) и едет(в) в Москву, как бы Аннушку достат(в) себе в жену, что и учинил. И стал Орел Скобеевъ отправлят(в)ся в Москву, а сестра его об том весьма соболезнует, что, конечно, будет (Ороль) в какой причинѣ. И Орел Скобеевъ стал прощат(в)ся и сказал: «Ну, мапушка, сестрица, пожалуй, не тужи ни об чемъ: хотя и живот мой утрачу, по тем мѣстъ и жизнь моя кончается, а от Аннушки не отстану,—или буду полковник, или покойник! а ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не оставлю; а буде зделается несчастіе, то прошу не позабыт(в) меня поминовением!» И простясь, поехалъ в Москву.

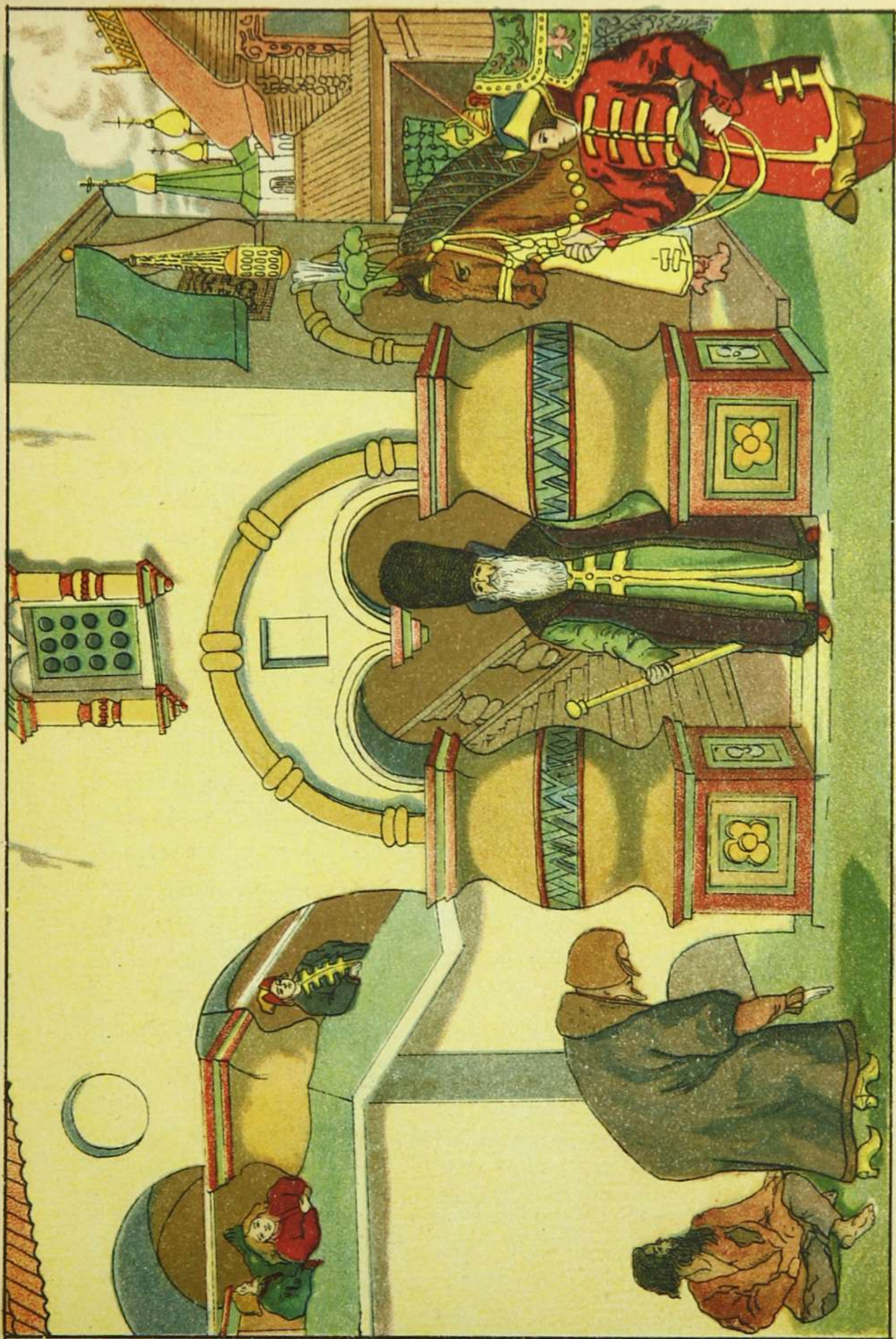
И по приезде в Москву стал на квартирѣ близъ двора стол(в)ника Нардина Нащекина. И на другой день пошел Орел Скобеевъ к обедни и увидѣлъ в цѣрквѣ мамку Аннушкину. И по опшеств(і)и литоргіи, вышел Орел Скобеевъ из церкви и стал ждать свое мамку. И как вышла та мамка из церкви, и под(о)шелъ Орел Скобеевъ к той мамкѣ, и опдал ей поклон, и просил еѣ, чтоб она об(ъ)явила об немъ Аннушкѣ. И она ему обещалас(в) всякое добро дѣлат(в), и пришла мамка

¹⁾ „Пустошь“—незаселенная, дальняя отъ селенія земля.

домой, и об(ъ)явила АннушкѢ о приезде Орота Скобеева. И Аннушка в великой стала быт(в) радости и просит мамку свою, чтоб она заупришней ден(в) пошла к обедне и взяла б денегъ 20 ру(блей) и отдала б Ороту Скобееву. И мамка то учинила по воли еѢ Аннушки.

У оного стол(в)ника Нардина Нащекина имѢлас(в) сестра пострижена в девичьем монастыре; и топ стол(в)ник поехал к сестре своей в монастырь гулят(в); и как приехал, то сестра ево встретила по чести брата своего; и топ стол(в)никъ сидел у сестры своей немалое время. И имелис(в) разговоры, промежъ которых просила сестра брата своего: «Покорно вас, Государь мой братецъ, прошу! пожалуй, отпусти любезную свою дочь Аннушку для свидания со мною, понеже многия годы не видала еѢ!» И стол(в)ник Нардин Нащекин обещал ей дочь свою отпустит(в). И сестра рече: «Не надеюсь, государь братецъ, чтоб сие для меня учинил: или забудешъ. Тол(в)ко покорно прошу, извол(в) приказат(в) в домѢ своемъ, когда пришлю я по нѢ коресту і возников ¹⁾, хопя і в небытность вашу дома, чтоб еѢ ко мне отпустили!» И брат ей Нардин Нащекин обещался то для проз(в)бы еѢ учинит(в). И по некотором времени случися тому стол(в)нику Нардину Нащекину ехат(в) в гости и з женою своею; и приказываетъ дочери своей: «Слушай, мой другъ Аннушка, ежели пришлетъ

¹⁾ „Возникъ“—ломовая, возовая лошадь, вообще упряжной конь,

«И пришло в память(в) Оролу Скобееву, что вес(в)ма ему добръ спол(в)никъ
Ловчиковъ, — и пошел к пому спол(в)нику»...
(Опытъ композиціи на слова повѣсти).

по тебя из монастыря сестра моя, а твоя тетка, корету с возниками, то ты поезжай к ней не умедля!» А самъ поехал в гости и з женою своею.

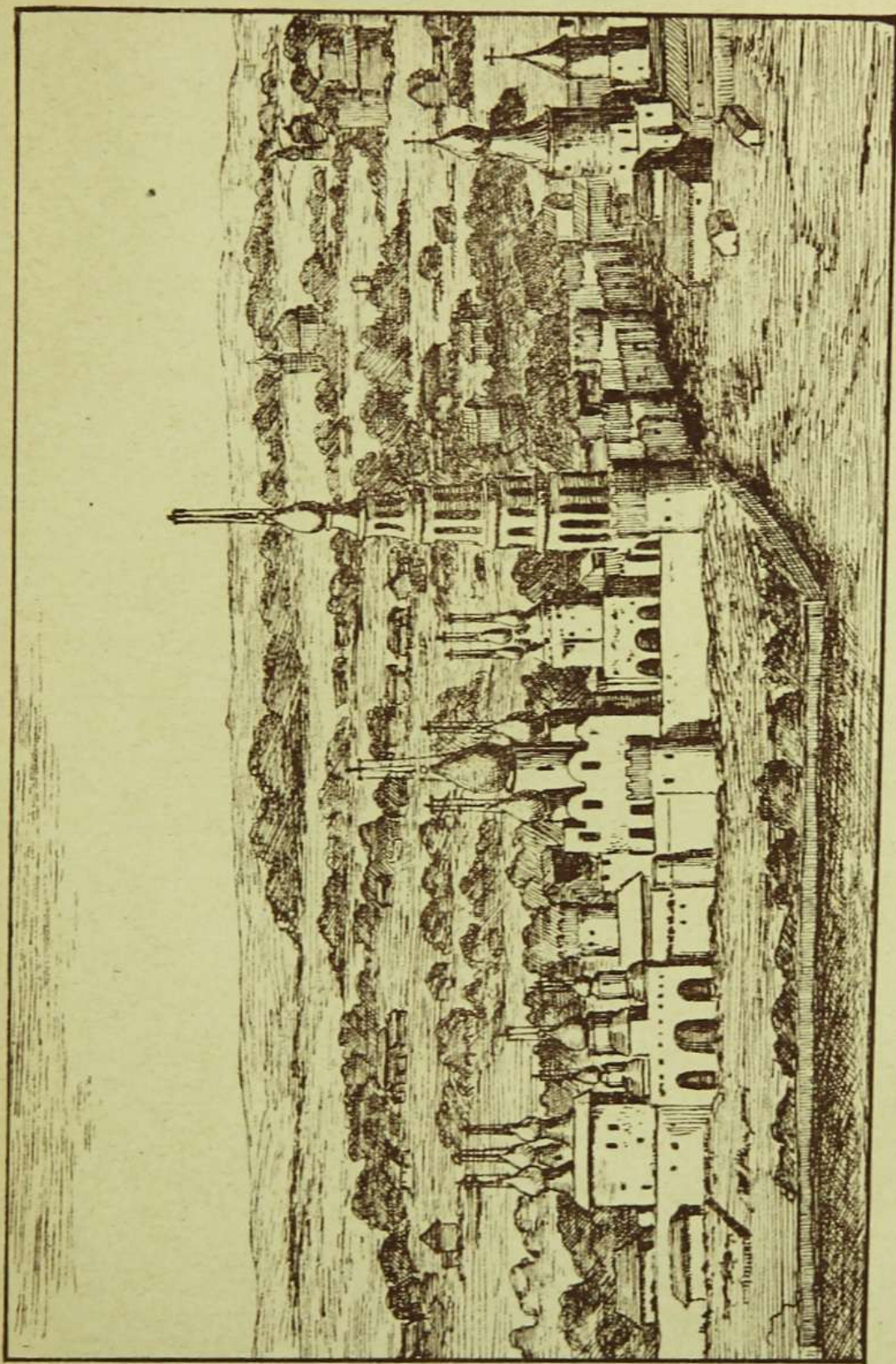
И Аннушка проситъ мамки своей, чтоб она, как можно, пошла ко Оролу Скобееву, чтоб онъ, какъ можно гдѣ, выпросил корету и с возниками и приехал самъ к ней, и сказал бы, будто от сестры стол(в)ника Нардина Нащекина из монастыря приехал по Аннушку. И то мамка пошла ко Оролу Скобееву (сказатъ) и сказала ему приказъ госпожи своей.

И как услышал Орол Скобеев, не знает, что и делат(в) и как кого обманут(в), для того что его и(зъ) знатных дворян все знают, что он дворянин небогатой, — тол(в)ко (у него и наживы, что) великая ябеда ¹⁾ и ходатайствоват(в) за приказными делами. И пришло в память(в) Оролу Скобееву, что вес(в)ма ему добръ стол(в)ник Ловчиковъ; и пошел к тому стол(в)нику; и как пришел Ороль Скобеевъ к Ловчикову, и Ловчиков имѣл с ним разговор многъ; и потом Орол Скобеевъ стал просит(в) Ловчикова, чтоб пожаловал ему корету и с возниками ехат(в) для смотрения невесты. И Ловчиков дал ему по ево проз(в)бе корету и кучера; и Орол Скобеевъ поехал и приехал к себе на квартиру, и того кучера спойл вес(в)ма пьяна, и сам убрался в лакейское платьѣ, и сел на козлы, и поехал к стол(в)-

¹⁾ „Промышлять ябедой“ по судамъ—сутяжничать, заводитъ неправыя тяжбы, стараясь оттягать что-либо.

нику Нардину Нащекину по Аннушку. И усмотрела мамка Аннушкина, что приехал Ороль Скобеев, сказала Аннушке под видом другимъ: (и тѣмъ обманула) того дому служителей,—яко бы прислала тетка по нѣе из монастыря. И та Аннушка убралас(в) и села в корету и поехала на квартиру Орота Скобеева. И пот кучеръ Ловчиков пробудился; и усмотрел Орол, что кучер не в таком сил(в)ном пьянстве, и напоил ево вес(в)ма до пьяна, и положил ево в корету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на дворъ; и приехал ко двору, и отворил ворота, и пустил возников на дворъ и с коретою, а сам пошел на свою квартиру. И вышли на двор люди Ловкова и видят, что стоят возники и с коретою, а кучеръ лежит в корете жестоко пьян, спит, а кто их привезъ на двор, никто не вѣдает. И Ловчиков вѣлел корету и возников убрат(в) и сказал: «Еще то хорошо, что и всего не уходилъ! На Ороте Скобееве взят(в) нечево!» И наупристал Ловчиков кучера спрашивать(в), где он был со Оролом Скобѣевым, и кучер сказал, что: «Тол(в)ко помню, как был на квартире, а куды он ездил и что делал, того не знаю!»

Потом стол(в)ник Нардин Нащекин приехал из гостей і спросил дочери своей Аннушки; и та мамка сказала, что: «По приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того, что она признала корету и возников!» Нардин Нащекин сказал: «Изрядно!»

«Ново-Дѣвичій монастырь въ Москвѣ».

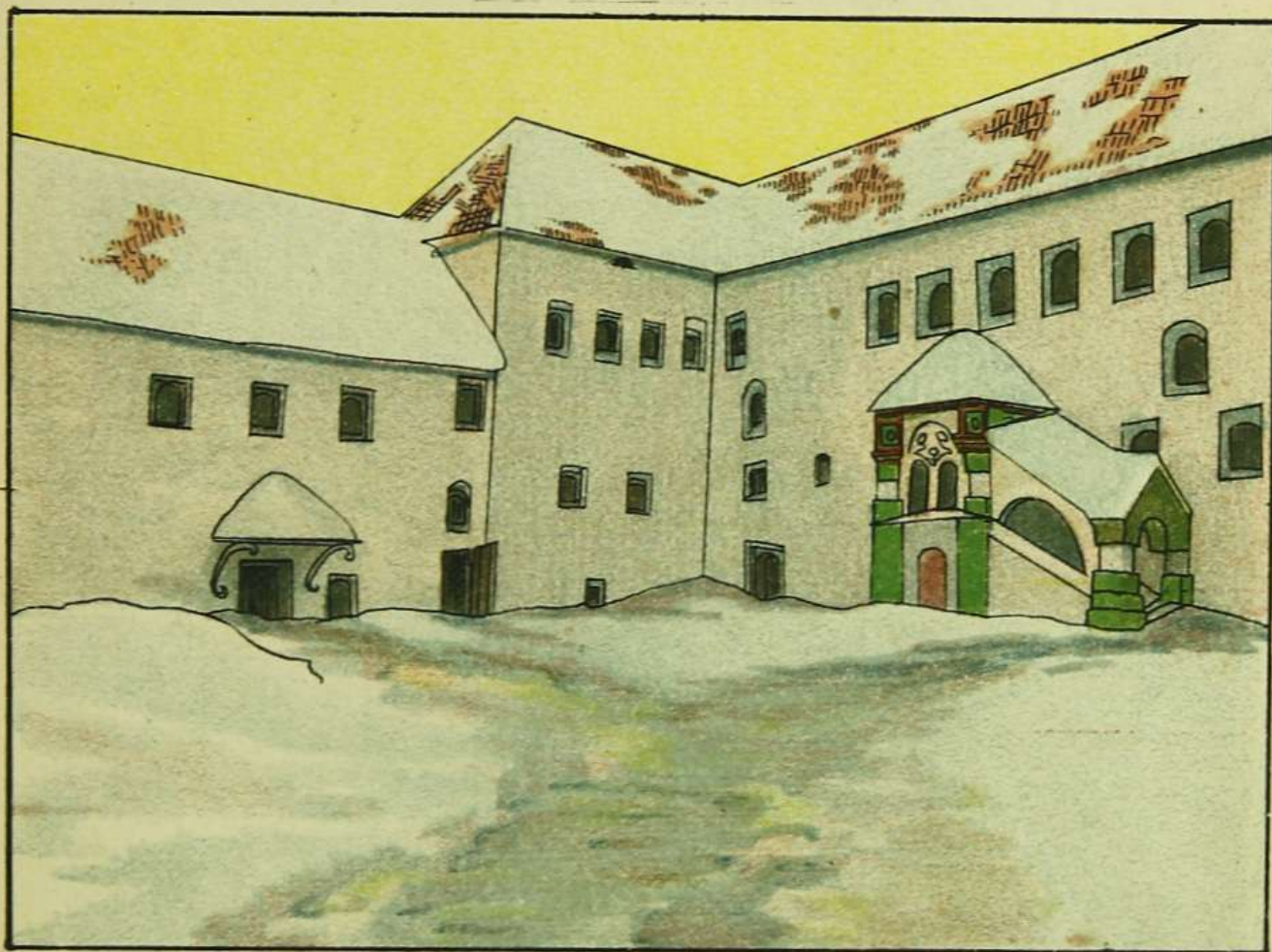
(Изъ «Путешествія Де-Брюина въ Москву», 1702 г.)

И стол(в)никъ Нардин Нащекин долгое время не был у сестры своей и думает, что дочь Аннушка у сестры ево в монастыре. А Орол Скобеевъ на Аннушкѣ уже и женился. Потом стол(в)никъ Нардин Нащекинъ поехал к сестре своей в монастыр(в) и сидел немалое время, а дочери своей не видит, и спросил сестры своей: «Сестра, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему отвѣтствовала: «Полна, брапецъ, издеват(в)ся! что ж мнѣ делат(в), коли я безсчастливая моимъ прошениемъ к тебе: просила я у тебя прислат(в) (ее) ко мнѣ! знатно, что ты не веришь мнѣ в том, а мнѣ время таково непу, чтоб прислат(в) по нѣя!» И стол(в)никъ Нардин Нащекин сказал: «Как, государыня сестрица, что ты изволишь говорит(в)? я не могу разсудит(в), для того что она отпущена к тебе с мѣсяцъ, а ты присылала по нѣе корету і возников, а я в то время был в гостях и з женою моею и, по приказу нашему, отпущена к тебе!» И сестра сказала: «Никак, брапецъ, я кореты и возниковъ не посылала никогда, и Аннушка ко мне не бывала!» И стол(в)никъ Нардин Нащекин вес(в)ма сожалел о дочери своей и гор(в)ко плакал, что безвѣстно пропала дочь ево, и, приехавъ в дом свой, и об(ъ)явил жене своей, что Аннушка пропала, и сказал, что у сестры в монастыре (ея) нет, и стал мамки спрашиват(в): «Кто приезжал? и куды она поехала?» Мамка та сказала, что приехал с возниками кучер и сказал: «Из девичья монастыря

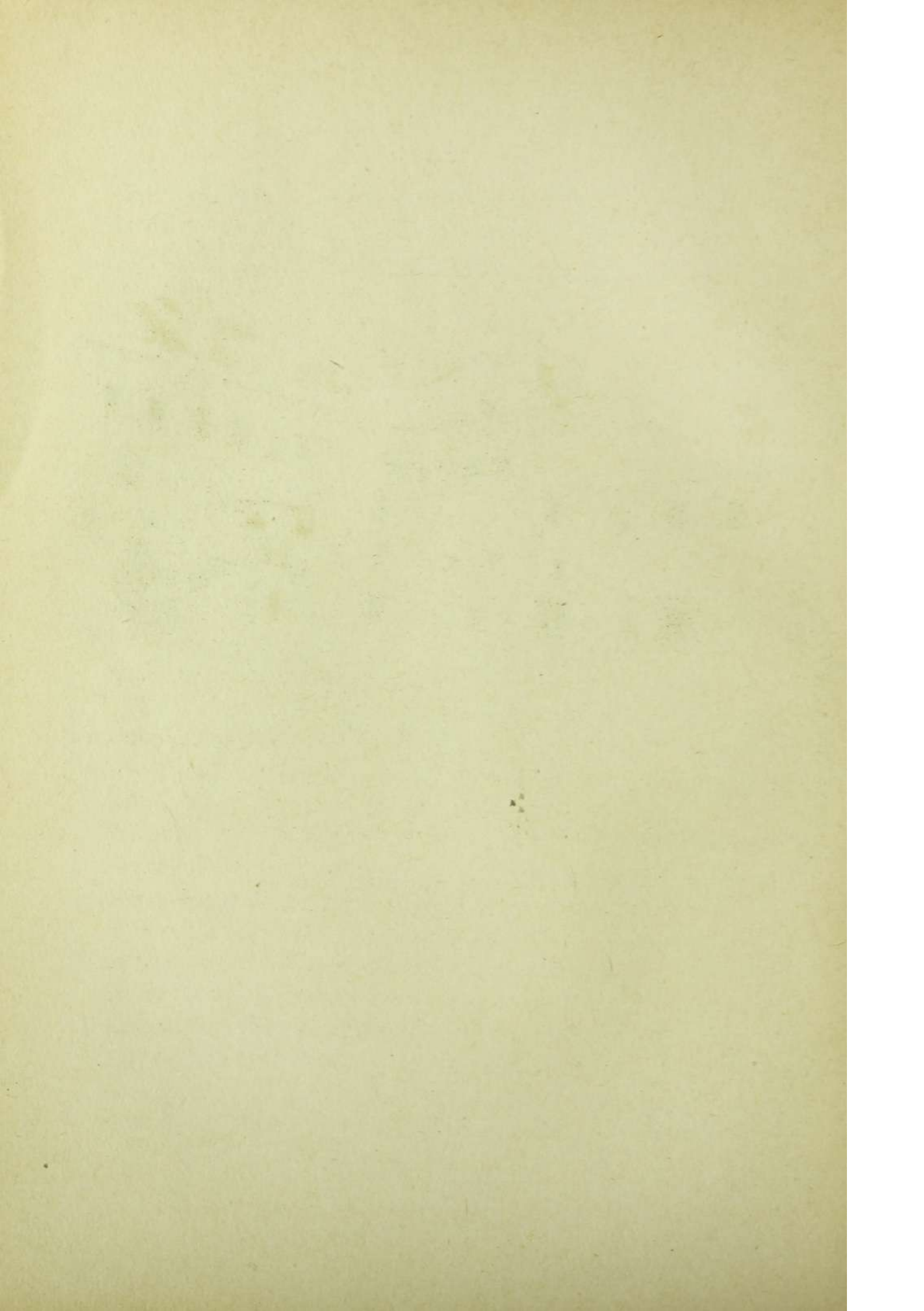
от сестры вашей, приехал по Аннушку»,—и по приказу вашему и поехала Аннушка! И о томъ вес(в)ма соболезновали (родители Аннушки) і гор(в)ко плакали, а науприе поехал стол(в)никъ къ государю и об(ъ)явил, что у него безвѣстно пропала дочь ево. И велѣл государь учинит(в) публикацію о той стол(в)ничьей дочери: ежели кто содержит еѣ тайно, чтоб об(ъ)явили, а ежели кто не об(ъ)явит и (она) същется, то послѣ смертию казнен будет.

И Орел Скобеевъ, слышав такую публикацію, не вѣдает, что делат(в); и умыслив Орел Скобеевъ, пришел к Ловчикову стол(в)нику для того, что тот Ловчиковъ вес(в)ма к нему обходился добръ и милосив. И Орел Скобеевъ пришедши к Ловчикову, и имели (они) много разговоров, и стол(в)никъ Ловчиков спрашивал Орела Скобева: «Что, господинъ Скобеев, женился ли и богапу ли взял?» И Скобеевъ ему на то отвѣтствовал: «Нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль время покажет!» — «Ну, господинъ Скобеевъ, живи уже постоянно, а за ябедами не ходи, перестан(в), а живи ты в вопчине своей: лучше, здоровѣе!» — Потом Орел Скобеевъ стал просит(в) того стол(в)ника, чтоб онъ представел(в)ствовал об немъ. И Ловчиков ему сказал: «Коли сносно, то буду представел(в), а ежели что несносно, то не гневайся!» И Орел ему об(ъ)явилъ, что: «Стол(в)ника Нардина Нащекина дочь Аннушка у меня, а нынѣ я на ней женился!» И

«Старо-русскія каменныя палаты».

(«Паганкины палаты въ Псковѣ». XVII в.).

стол(в)никъ Ловчиковъ сказал: «Какъ делалъ ты, такъ самъ и отвѣтствуй!» И Орол Скобеевъ сказал: «Ежели ты предстател(в)ствоватъ не будешь обо мнѣ, и тебе будетъ не безъ слова! мнѣ уже пришло показат(в) на тебя, для того что ты возников и корешу давал, а ежели б ты не дал,—и мнѣ б того не учинит(в)!» И Ловчиковъ стал в великом сомнен(і)и и сказалъ ему: «Настоящей ты плут! что ты надо мною зделал?.. Добро, какъ могу, буду предстател(в)ствоват(в)!» И сказалъ ему, чтобъ завтрашней день пришел в Успенской соборъ,—и стол(в)никъ Нардинъ Нащекинъ будетъ завтра у обедни.—«И после обедни буде(мъ) ¹⁾ стоят(в) все мы в собран(і)и на Ивановской площади, и в то время приди, и пади предъ ним, и об(ъ)яви о дочери ево, а я уже, какъ могу, буду предстател(в)ствоватъ!»

И пришелъ Оролъ Скобеевъ в Успенской соборъ къ обедне, и стол(в)никъ Нардинъ Нащекин, и Ловчиков, и другие стол(в)ники все у обедни! и по отшеств(і)и (обѣдни) тогда все обычай имѣли быт(в) в собран(і)и на Ивановской площади противъ Ивана Великаго и имели промежъ собою разговоры, кому что надобно. А стол(в)никъ Нардинъ Нащекин бол(в)ше соболѣзнуетъ о дочери своей, тако жъ и Ловчиковъ с нимъ разсуждаетъ о дочери ево к с(к)лонению милости. И на те ихъ разговоры пошелъ Орол Скобеевъ и отдалъ всемъ

¹⁾ Въ рукописи: „будетъ“.

стол(в)ником поклон, какъ естѣь обычай, и все стол(в)ники Орота Скобеева знают. И, кромѣь всех, пал пред стол(в)ником Нардинымъ Нащекин-нымъ и просил прощенья: «Милоспивы(й) госу-дарь и царев стол(в)никъ! в первы(й) (разъ) оп-пусти вину мою, яко раба своего, копорой дерз-новенно учинил пред вами!» И стол(в)никъ Нар-дин Нащекин имелся лепами вес(в)ма древень и зрениемъ оп древности уже помрачен, однако ж могъ человѣка усмотрѣть. Имели в то время обычай те старыя люди носить в руках прости натурал(в)ныя с клюшками—и поднимаетъ тою клюшкою Орота Скобеева: «Кто ты таков? скажи мнѣ о себе! и что твоя нужда до нас?» И Орот Скобѣевъ тол(в)ко говорит: «Отпусти вину мою!» И стол(в)ник Ловчиков подошел к Нар-дину Нащекину и сказал: «Лежитъ пред вами, про-ситъ оппущенья вины своей дворянин Орот Ско-беевъ!» И стол(в)никъ Нардин Нащекин воскричал: «Встань, плут, знаю тебя давно плута и бездел(в)-ника! знатно, что наябедничель себе! Что, скажи, плут?—буде сносно, стану помогаю(в), а что не-сносно, как хочешь,—я тебе, плуту, давно го-ворил: Живи постоянно! Встан(в), скажи, что твоя вина?» И Орот Скобеев встал оп ногъ ево и об(ъ)явил ему, что доч(в) ево Аннушка у него, и он на ней женился; и какъ стол(в)никъ Нардин Нащекин услышал оп него о дочери своей, и зжа-лился слезами, и стал в беспамѣтстве; и мало опамятовался, и стал говорить: «Что ты, плут,

«Московские бояре. XVII в.»

(Изъ «Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ»).

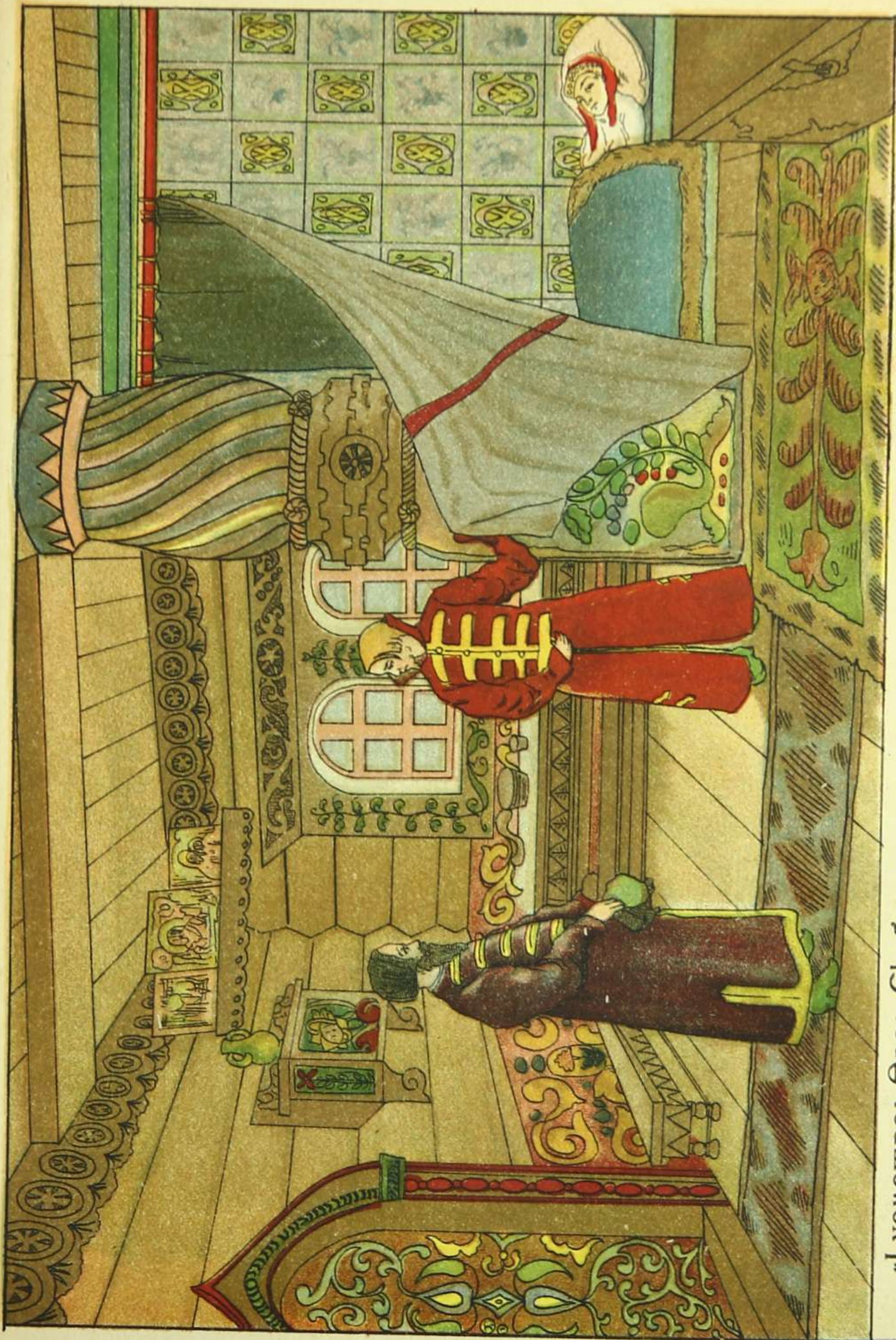
зделал? Вѣдаеш ли ты о себе, кто ты таков? Несуть тебе оппущения вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обиде!» И вторично пришел к нему стол(в)ник Ловчиков, и нача его разговариват(в), чтобъ вскоре не учинил доклада к государю: «Изволиш(в) съездиш(в) домой и об(ъ)явиш(в) о сем случае сожител(в)нице своей, и по совѣту общему, какъ к лучшему, — уже быш(в)! Такъ того не возвратиш(в), а он, Скобеев, от гнѣву вашего скрѣпца никуда не может!» И стол(в)ник Нардин Нащекин послушал совѣту Ловчикова, не пошелъ к государю, сел в корѣпу и поехал домой, а Орел Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будет мнѣ с тобою, не вѣдаю, — об(ъ)явил о тебе отцу твоему!»

И стол(в)никъ Нардин Нащекин приехал в дом свой, идет в покои, жестоко плачет и кричит: «Жена, что ты вѣдаешъ? Я нашел Аннушку!» И жена его спрашивает: «Где она, батюшко?» — «Охъ, мой другъ, вор и плут и ябедник, Орел Скобеевъ, женился на ней!» И жена его услъшала те от него речи и не вѣдаетъ, что говорит(в), соболезнуя о дочери своей. И стали оба гор(в)ко плакатъ и в сер(д)цахъ своих браниш(в) дочь свою, и не вѣдаютъ, что чиниш(в) над нею. Потом пришли в памяш(в), сожалея о дочери своей, и стали разсуждат(в) з женою: «Надобно послат(в) человѣка и сыскаш(в), где он, плут, жи-

вѣтъ, провѣдаѣ(в) о дочери своей, жива ли она». И призвали к себе человѣка своего и сказали ему: «Поезжай и същи квартиру Орла Скобеева и провѣдай про Аннушку, жива ли она, и имѣет ли пропитание какое».

И пошел человѣкъ их по Москвѣ искаѣ(в) квартиру Орла Скобеева, и, по многом хожден(и)и, нашел, и пришел ко двору. И усмотрел Орл Скобеевъ, что от тещи идет человѣкъ, и вѣлелъ жене своей лечь на постелю и притворить себя, яко бы бол(в)на. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человѣкъ вошел в покой и отдал, как по обычаю, поклонъ. И Орл Скобеевъ спросил: «Что ты за человѣкъ? и какую нужду до меня имѣешь?» И человѣкъ отвѣщал, что он прислан от стол(в)ника Нащекина провѣдаѣ(в) про доч(в)ево, здравствуеѣ ли она. И Орл Скобеевъ говорит: «Видишь ты, мой другъ, каково еѣ здоров(в)е! Таков ты родител(в)ской гневъ, — они еѣ заочно бранят и кленут, — оттого она при смерти лѣжит! Донеси их милости, хотя б они при жизни еѣ заочно благословили». И человѣкъ тот отдал имъ поклон и пошел.

И пришел к господину своему и донес, что: «Нашел квартиру Орла Скобеева, токмо Аннушка очень бол(в)на и просит от вас заочно, хотя словесного благословения!» И пребезмѣрно родители о дочери своей соболѣзнуютъ, токмо разсуждали: «Что с воромъ и плутом дѣлаѣ(в)?»,

48647

«І усмотрел Ерол Скобеевъ, что опъ песня идеп человекъ, и вѣлелъ жене своей лечь на постелю и притворить себя, яко бы бол(в)на»... (Опыть композиціи на слова повѣсти).

но болѣе сожелели о дочери своей. Мат(в) еѣ стала говорит(в): «Ну, мой другъ, уже бытъ такъ, что владеет(в) плуту дочерью нашею! Уже такъ Богъ велѣл, — надобно послает(в) к ним образъ и благословит(в) их, хотя заочно; а когда сердца наши уполят(в)ся, то можем видет(в)ся с ними і сами!» Сняли (со) спены образъ, которой былъ обложенъ золотомъ и драгимъ каменіемъ, — прикладу ¹⁾ всево на 500 р(ублей), — і послали с тем же человѣкомъ, (и) приказали сказа(в), чтобъ они тому образу молилис(в). — «А плуту і вору Оролке скажи, чтобъ онъ ево не промотал!»

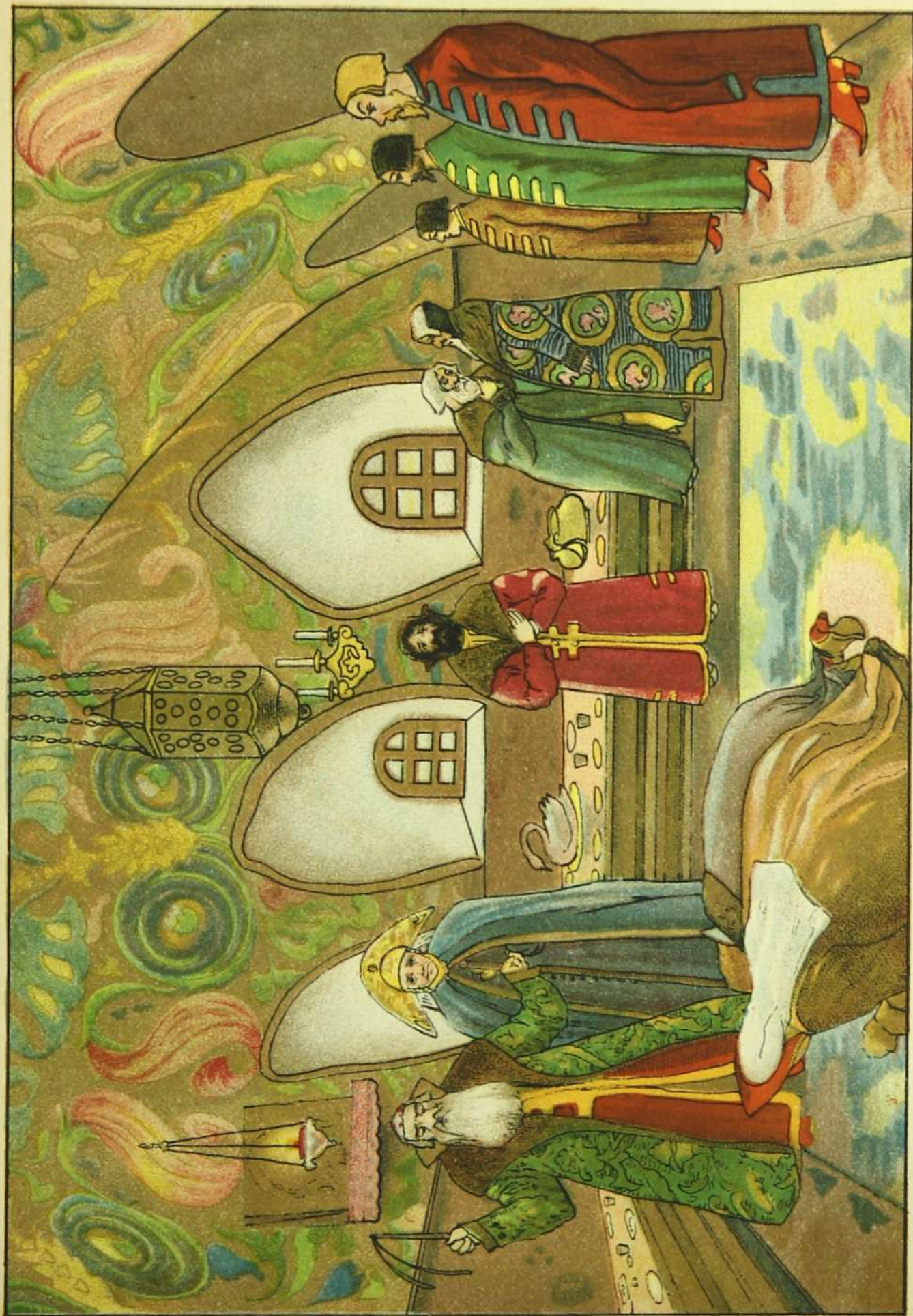
И человѣкъ ихъ, принявъ оной образъ, и пошелъ на квартиру Орота Скобеева. И усмотрилъ Орот Скобеевъ, что пришелъ тотъ же человѣкъ, сказалъ жене своей: «Встан(в), Аннушка». І сели оба вмѣстѣ, и человѣкъ тотъ вошелъ в покой ихъ, и отдалъ образъ Ороту Скобееву, и сказалъ, что: «Родители ваши, Богомъ данныя, прислали к вамъ благословение!» И Орот Скобеевъ, приложас(в) к тому образу и с Аннушкою, и поставили, гдѣ надлежитъ, и сказалъ Орот человѣку тому: «Таково ти родител(в)ское благословение, — и заочно ея ²⁾ не оставили, — и Богъ далъ Аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу, здорова! благодари ихъ милость, что не оставили заблудшую доч(в) свою!» И человѣкъ пришелъ к господину своему и об(ъ)явилъ об отдачѣ образа и о здрав(і)и Аннушкине и о

¹⁾ Въ рукописи: «такъ какъ прикладу»...

²⁾ Въ рукописи: «ихъ».

благодарен(і)и их, і пошел в показанное свое мѣсто. И стол(в)ник Нардин Нащекин, поехав к государю, и об(ъ)явил, что: «Дочь свою нашел у новогор(о)дского дворянина Орола Скобеева, коюрой уже на ней и женился, и прошу вашей государевой милости, чтоб в том ему, Скобееву, вину оппустил(в)»—и об(ъ)явил ему все подробно; на что велик(і)й государь ему сказал, что: «В том пвоья воля, как желаешь! і совѣтую тебе, что уже того не возвращит(в), а онъ пвоимъ награждениемъ, а моею милостию пропив прочих своей брѣтви оставленъ не будет,—и в том на старости возымѣешь утеху!» Стол(в)ник же Нардин Нащекин, покланяся государю, и поиде в домъ свой, и спали разсуждап(в) и сожалет(в) о дочери своей; и стал говоритъ жене своей: «Как, другъ мой, бѣит(в)? Конечно, плут заморит Аннушку,—чемъ ему, вору, кормит(в) еѣ? и самъ, как собака, голодень! Надобно, другъ мой, послат(в) какого запасу, хотя на б-ти лошадах»; а жена ево сказала: «Конечно, надобно, другъ, послат(в)!» І послали топъ запас и припомъ реэстръ ¹⁾. И как пришел оной запас, и Орол Скобеевъ, несмотря по реэстру, приказал положит(в) в показанные мѣста и приказал темъ людемъ за их родител(в)ские милости благодарит(в). Уже Орол Скобеевъ стал жить роскошно и ездит(в) везде по знатным персонам, и вес(в)ма Скобееву

¹⁾ „Реэстръ“—списокъ.

«Усмотрил Нардинъ - Нашекинъ и з женою своею, как дочь ихъ приносятъ
вину свою, — спалі се браниш(в) и наказываш(в) своимъ гневом родилел(в)ским»...
(Опытъ композиціи на слова повѣсти).

удивлялися, что он зделал такую припчину и так смело. Уже чрезъ долгое время (родители Аннушки) обратилис(в) сердцемъ и соболѣзновали душею о дочери своей, тако ж и о Оролѣ Скобееве, и послали человѣка к нимъ и приказали просит(в) их кушат(в) к себе. И какъ пришелъ человѣкъ, і проситъ: «Приказал батюшко васъ (проситъ пожаловатъ) кушатъ сей день!» — и Ороль Скобеевъ сказалъ: «Донеси государю, нашему батюшку, что будемъ не умедля до ихъ здоровья!»

И Ороль Скобеевъ убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом пестря своего и приехал в домъ их и пошел в покои з женою своею; и Аннушка пала пред ногами родителей своих. Усмотрил Нардинъ Нащекинъ ¹⁾ и з женою своею, как дочь ихъ ²⁾ приноситъ ³⁾ вину свою, — стали ее бранит(в) и наказыват(в) своимъ гневом родителей(в)ским, и смотря на нея, вес(в)ма плачют, что она так учинила без воли родителей своих, проклиная жизнь еѣ словами своими; и по многом глаголан(и)и их и гневу, отпустили вину еѣ; и приказал (Нардинъ Нащекинъ) садит(в)ся за стол с собою, а Оролу Скобееву сказал: «А ты, плут, што стоишь? садис(в) тут же! тебе ли бы, плуту, владеет(в) дочерью

¹⁾ Въ рукописи далѣе испорченное мѣсто: «Как дочь свою и з женою своею приносимую вину свою».

²⁾ Въ рукописи: «свою».

³⁾ Въ рукописи: «приносимую».

моею!» И Орол сказал ему: «Государь-батюшко, уже тому так Богъ судил!» — И сели все кушат(в), и стол(в)никъ Нардинъ Нащекин приказал людям своим, чтобъ никого в домъ посторонних не пускали, — сказывали бы, что: «Время такого несть стол(в)нику, для того что з зятемъ своим, вором и плутом Оролою Скобеевым, кушаетъ!» И по окончан(и)и стола стал стол(в)никъ говорит(в) зятю своему: «Ну, плут, чемъ ты спанешъ жить?» И Орол Скобеевъ сказал: «Милоспивы(й) Государь-батюшко! изволиш(в) ты самъ быт(в) извѣстен, чемъ мнѣ жить, — болѣе не могу пропитания найти, как за приказными делами ходитъ!» И стол(в)никъ рече: «Перестан(в), плут, ходит(в) за ябедой, — имѣется вопчина моя в Синбирскомъ уѣзде, которая состоитъ въ 300-х дворах, да в Новгородскомъ уѣзде въ 200-х дворах, — справь, плушь, за собою и живи постоянно!» И Орол Скобеевъ опдал поклонъ и з женою своею, и приносили благодарение родителемъ своимъ, и, сидевъ немного, поехал Ороль Скобеевъ на квартиру свою и з женою своею. Тестъ же его, стол(в)ник Нардин Нащекин, приказал Скобеева возвратит(в) и стал говорит(в): «Ну, плут, есть ли у тебя ден(в)ги? чемъ ты деревни справишь?» И Орол рече: «Извѣстно вамъ, Государь-батюшко, какие у меня ден(в)ги!» И стол(в)никъ приказал дат(в) дворецкому своему денегъ 500 р(ублей). И простяс(в), Орол Скобе-

«Россійській аворянинъ Ороль Скобеевъ и дочь спольвника Нардина-Нашекина Аннушка».

«Россійській аворянинъ Ороль Скобеевъ и дочь спольвника Нардина-Нашекина Аннушка».

(Опубл. въ свободной композиціи).

евъ поехалъ на квартиру свою и з женою своею Аннушкою.

И по многом времени справил Орол деревни за собою и спал жип(в) очень роскошно, и ездил к тещю своему безпрестанно, и всегда прини- ман был с честью, а за ябедами ходит(в) уже бросил. И по некоем времени поживе спол(в)- никъ Нардин Нащекин в глубокой своей ста- рости, в вечную жизнь переселился, и по смерти своей учинил Орола Скобеева наследником во всемъ своемъ движимом и недвижимом имен(і)и. Попомъ недолгое время пожив, теща ево пере- ставилас(в), — и тако Орол Скобеевъ живя в великой славе и богатстве, наследников по себе оставя, и умре.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-Е.

„Новгородскихъ дѣвушекъ святочной вечеръ сыгранной въ Москвѣ свадебнымъ“.

(Изъ книги: „Похожденіе Ивана Гостиннаго сына...“ Соч. Ив. Новикова
Спб. 1785 — 6).

Около Новагорода и Пскова жилъ одинъ дворянинъ, оставшійся послѣ родителей своихъ въ малыхъ лѣтахъ сиротою, не имѣвшій никого и(зъ) родственниковъ, окромѣ одной сестры, одинакихъ съ нимъ лѣтъ, — около дватцати пяти; и хотя при крещеніи и названъ онъ былъ Селуяномъ и производилъ (изъ) давней фамиліи Сальниковыхъ, однако не имѣлъ счастья содержать себя по чести дворянина. Съ малыхъ лѣтъ воспитывался ¹⁾ (онъ) и съ сестрою щедростію людскою, а возмужавши, за неимѣніемъ, как и у батюшки ево, крестьянъ, принужденъ (былъ) пропитаніе имѣть по образу родительскому трудами своими, вспахивая и удабривая землю самъ въ рядовую съ прочими чужихъ господъ крестьянами, ибо у него земли было довольно, — равно сохи, бороны, серпы и косы находились въ добромъ здоровьѣ; а сестрица ево, какъ дѣвушка взрослая, не оставляла также, чтобъ не прилагать прилѣжнаго смотрѣнія имѣть за домомъ и за ско-

¹⁾ Въ текстѣ: «воспитывались».

тиною. Сему дворянину во оной жизни, по много предлагаемымъ въ полѣ въ воженіи домой и убираніи хлѣба и сѣна трудамъ, нѣсколько понаскучило; и для того, довольно разумѣвши русской грамотѣ и острыхъ ко всякимъ обманамъ замысловъ и затѣвъ, понявшихъ у бывшего своего учителя-дьячка, человѣка, проворнаго и къ такому жъ, какъ и онъ, лукавству обыклаго, посовѣтовавъ, спросивши ево и принявши наставленіе,—вздумалъ ходить за приказными ябедами,—коихъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало,—стряпчимъ.¹⁾ И такъ посвяти себя онымъ чиномъ, ѣздя по окольнымъ деревнямъ съ наставникомъ своимъ, пересказывалъ о себѣ, что онъ въ стряпческомъ искусствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его то жъ самое подтверждалъ и выхвалявалъ; почему, во-первыхъ, поссорившіеся между собою крестьяне, приходя къ нему, просили справедливаго и скорога на словахъ рѣшенія и удовольствія; а онъ и судилъ cadaго по достоинству дѣла, обирая принесенное и съ отвѣтчика, и (съ) челобитчика поравну; а кто больше дастъ, тотъ и правъ, хотя бы и подлинно былъ виноватъ,—но ослѣпленные ихъ глаза тому вѣривали. Кто же его судомъ бывали не довольны, тѣмъ писывалъ къ господамъ челобитныя и наставлялъ доброхотныхъ дателей полутче, нежели скупыхъ и немысленныхъ. Потомъ осыпали его множество мелкотравчетыхъ дворянъ и письменными проз(ь)бами съ довѣренностію, чтобъ ему за ихъ дѣлами хожденіе имѣть и по приказамъ. И такъ нашъ Селуянъ не пѣшкомъ хо-

¹⁾ „Стряпчій“—ходатай по дѣламъ.

дять, а сталъ уже и ѣздить на одаренныхъ господами лошадакъ въ Губернію и провинцію по дворянски, обманывая всячески, какъ его, главной надъ такими людьми затѣйщикъ и коноводъ, сатана-учитель и собственные его лукавые къ корыстолюбію замыслы того требовали.

Въ сосѣдствѣ съ нимъ Селуяномъ была вотчина богатаго господина Кошкодавова, который по государеву указу имѣлъ пребываніе и съ боярынею своею въ Москвѣ, а въ вотчинѣ оставлена полномочною госпожею дочь, имянуемая Грушинькою, лѣтъ десятковъ двухъ съ барышкомъ, которая во всемъ околѣдѣ по отцовскому богатству и по пригожеству ея лица другихъ околичныхъ тутъ дѣвушекъ превосходила и была завидная невѣста; а по елику и Селуянушка нашъ, хотя передъ нею былъ мизирнаго ¹⁾ состоянія,—но имѣлъ видъ не только не дурной и не отвратительной, но пріятной и приманчивой, и, однимъ словомъ, похожей на хорошую дѣвку.

Во время Святковъ во всѣхъ мѣстахъ на Руси у обоого пола, возраста, достоинства и достатка людей бываютъ ночныя сборищи: въ городахъ комедіи, въ деревняхъ у дворянъ вечеринки, а у крестьянъ и другой черни игрища. Въ то время вздумалось и Груняшѣ Кошкодавовай тою же невинною забавою повеселиться, а для того и созвала къ себѣ сосѣдскихъ дворянскихъ дѣвушекъ паръ десятокъ, между коими приглашена была и Селуянова сестра Фетинья; а какъ и Селуя-

¹⁾ „Мизирный“—маленькій, бѣдный.

нушкѣ въ своемъ увеселительномъ подворьѣ дни два-три одному праздновать показалось скучновато, то просилъ свою сестрицу, чтобъ она и его, нарядивши въ женское платье и назвавши сродницею, взяла туда же съ собою повеселиться. Та сперва нѣсколько тревожилась, но по усиленной его проз(ь)бѣ взять склонилась; и такъ, сѣвши въ сани, приѣхали къ госпожѣ Кошкодавовой, которая встрѣчала всѣхъ равно, какъ подружекъ, съ почтеніемъ, приличнымъ ее званію.

Во время обыкновенной по гудку и по пѣснямъ деревенской пляски и весь вечеръ Груняшина мамка пристально глядѣла на Селуяна, не мало разъ выдаючи у ихъ прикащика; но при всѣхъ его для своей боярышни, какъ званую гостью, изобличить не смѣла, что и Селуянъ, какъ на увертки бабьи остръ ни былъ, однако плотненько сталъ думать, что его примѣчаютъ; выведши мамку въ другой покой, гдѣ никого не было, тихонько, забывъ стыдъ по своему дворянству, повалился ей въ ноги со всего маху. Мамка, поднимая его съ зем(л)и, говорила: „Какъ тебѣ, сударыня, не стыдно такъ трудиться, и чего отъ меня требуешь? Я служанка,—ничѣмъ тебѣ пособить не могу!“ Селуянъ, безъ всякаго притворства, вынувши изъ кармана пять рублевиковъ и сунувъ ей въ руки, говорилъ: „Любезная мама! будь же ты отъ сего времени и мнѣ няня; ежели ты мнѣ теперь не поможешь, то умру передъ твоими ногами или пропаду, какъ червь капустной! безмѣрная моя къ твоей боярышнѣ любовь завела сюда, какъ обведеннаго мертвую рукою; помилуй, помоги какъ-нибудь и скрой сію тайну по своему благоразумію!“ Мамка стоя долгое

время, не говоря ни слова, смотря попеременно то на Селуяна, то на данныя имъ монеты, кои въ старину весьма дороги бывали у такихъ людей, какъ мамка,—и копейка иногда становилась ребромъ. На послѣдокъ, какъ серебро ослѣпило очи сей мудреной бабѣ, коя сочла Селуяна весьма великодушнымъ, а себя признавала богатѣйшею на свѣтѣ, одумавшись, ему говорила: „Ну, Селуяша! простое твое сердце принуждаетъ меня за тебя вступиться и сдѣлать на вѣкъ счастливымъ: будь надеженъ, нынѣ такіе веселые вечера, только будь же и скромень,—послѣ того никому не сказывай, дабы и обоимъ не попасться въ дѣдушкинъ чуланъ!“ Онъ, поклонясь ей, говорилъ: „Что принадлежитъ до моихъ услугъ, то я тебѣ далъ только въ задатокъ, а опослѣ наиболѣе отплачивать стану, а о тайности, пожалуй, не сумнѣвайся; я человѣкъ не болтливой,—хотя и теперь въ застѣнокъ, то, ей ей, худова не скажу. Мамка ему повторила: „Здѣсь калякать нечего, дабы кто не присмотрѣлъ; я однажды сказала, что за твою дружбу не неблагодарною буду; дѣло уже сдѣлано!“—съ чѣмъ и возвратились къ собранной компаніи, будто ничего не знаютъ и вмѣстѣ не бывали.

Когда отъ пляски у всѣхъ ноги приустили, а головы клонить сталъ сонъ, то хозяйшка приказала подать ужинать, а мамка передъ тѣмъ выдумала хитрость — поиграть другимъ манеромъ, нарядивши Селуяна и нѣсколько дѣвущекъ во оставшее господское платье, дабы было обоего пола попарно.

Перваго подвела къ своей баярышнѣ, съ приказаніемъ, чтобъ она почитала, какъ своего жениха: равно

и прочихъ розсадивши погнѣздо, сказала, что сей вечеръ у всѣхъ у нихъ свадебной. По окончаніи стола пошли всѣ съ великимъ хохотаньемъ и цѣлованьемъ провожать до назначенныхъ покоевъ, во-первыхъ, хозяюшку, а потомъ и другихъ.

По утру очень рано вставши, мамка, обходя всѣ покои, поздравила съ добрымъ утромъ, кои были всѣ уже проснувшись, а дожидались только, чтобъ подали свѣчь или открывали окошки. Потомъ пришла она и къ боярышнѣ въ спальню.

Когда же Грунюшка, вставши съ постели, совсѣмъ одѣлась и пришла къ дѣвицамъ, тѣ поздравили ее съ приходомъ; а она также не оставила ихъ съ Селуянушкою отподчивать своимъ благодареніемъ. Принесень былъ на столѣ завтракъ, сѣли молодые кушать, а при томъ приведены были крестьянскія дѣвки для пляски и пѣтя пѣсенъ, а въ ночное время происходила дворянская компанія. По прошествіи трехъ дней дворянскія дѣвушки разъѣхались по домамъ; а хотя и сестрица Селуянова съ сродницею также просилась, но всѣ Святки не была отпущена, а для чего, — тайна сія, кромѣ одной Грунюшки, не извѣстна. И хотя говорятъ, что мущины въ любви горячае, а женщины упряме; однако жъ, конечно, не Селуянова, но Груняшина (была) страстная любовь; и послѣ Святковъ особливо Селуянушку отпустить не хотѣла, но, наблюдая къ себѣ отъ сосѣдей почтеніе и дѣвичью благопристойность, со слезами простилась. Не меньше тяжело было разставанье и господину Сальникову: давши ему Груня тихонько, вмѣсто подаренныхъ отъ него мамкѣ пяти, пятьсотъ рублей, приказала,

чтобъ онъ и предъ посѣщеніемъ своимъ ее не оставлялъ, а къ тому такъ его со своей стороны обнадежила и положила вѣрной пароль, чтобъ ему, кромѣ ее, жены, а ей, опричь ево, мужа не имѣть, хотя бы не только родительскаго проклятiя, но и жизни стоило.

Не только во время святошнаго торжества въ Руси бывають ночныя сборищи и забавы,—то же самое случается и объ Маслечной недѣлѣ. Госпожа Кошкодавова приказала на дворѣ у себя сдѣлать превеликую гору и такъ же созвать дѣвушекъ-дворянокъ: хотя она и имѣла повелѣніе скоро ѣхать въ Москву къ батюшкѣ, но для сего праздника отложила, не позабыла въ наипервыхъ пригласить и господина Сальникова сестрицу съ ея родственницею, которая и прибыла въ женскомъ же, по прежнему, нарядѣ. Грунюшка приняла ихъ во особливомъ покоѣ не противу прочихъ, а отмѣннѣе, какъ первыхъ и ей милыхъ гостей, которыя подобно перваго не въ третей день, а по начатiи великаго поста отпущены были и то съ досадою, и съ равнымъ прежняго награжденіемъ, сказавши одному Селуяну, (что) есть-ли она ему мила и не хочетъ потерять на вѣки, то бы въ скорости за нею ѣхалъ къ Москвѣ и нанялъ квартиру неподалеку ихъ дому на Мясницкой улицѣ.

Какъ скоро Груняша въ Москвѣ появилась, то хорошенькое ее личико, а не меньше великое отцовское имѣніе, которому она только одна наслѣдница, какъ магнитомъ, притянуло свататься множество жениховъ,—иныхъ и равнаго съ отцовскимъ чиномъ господчиковъ; о чемъ ей батюшка и матушка часто напоминали, чтобы помышляла, которому изъ нихъ одному дать преимущество

заблаговременно; но она, якобы не зная ничего не говоря ни слова, съ покраснѣлымъ лицомъ отходила, дожидаясь своего милова друга Селуяна, который не замедля, также прикативши въ Москву, сыскалъ домъ господина Кошкодавова, поздоровался съ мамкою, чтобъ она о прибытіи ево изволила доложить своей баярышнѣ, которая, узнавши, пришла въ превеликую радость, но не знала, гдѣ ему съ собою дать первое свиданіе. Лукавая жъ и досужая на выдумки мамка сказала ей: „И сударыня, кажется, вы уже отъ младенческихъ лѣтъ давно ушли, а того не вѣдаете, гдѣ своему любезному человѣку себя показать и ево посмотрѣть; въ Москвѣ не наше дѣло деревенское, — здѣсь не стыдятся безъ всякаго зазору и невѣсть смотрютъ по церквамъ во время службы, а вамъ уже съ нимъ нѣчего опасываться; не изволите ль согласиться въ будущее воскресенье поѣхать со мною къ обѣднѣ въ приходъ къ Николѣ на Вшивую Горку, а я тихонько возвѣщу и Селуяну Софроновичу, куда онъ, конечно, какъ соколъ, прилетитъ!“ Груняша съ радости много разъ цѣловала свою мамку, называя ее въ сихъ дѣлахъ немалою мудрицею, способствующею къ ее желаніямъ и прихотямъ; написала къ Селуяну пріятную записочку, нѣжную и страстную, каждое оной слово вливало въ душу пламень, — видно было по всему, что самъ дьяволъ въ томъ ее наставлялъ! Не могла почти дождаться назначеннаго мамкою дня, а во оной и поѣхала съ нею и съ однимъ лакѣемъ и кучаромъ.

При входѣ въ церковь увидѣла Сальникова, ожидающагося на паперти. Взглянувши другъ на друга

пламенными глазами, исполненными смущениемъ и радостію, и хотя малому ¹⁾ ее и не было нужды по невѣдѣнію ни за кѣмъ присматривать и примѣчать, однако жъ при прохожденіи мимо Селуяна увидѣлъ у боярышни лице зардѣвшееся и походку несмѣлую, равно и Селуянъ покраснѣлъ, какъ рыжикъ; подобное сему и прощанье у нихъ происходило одними взглядами. Селуянъ нашелъ ее нѣжнѣе прежняго; равно и она, увидѣвши его, больше прежняго полюбила. Всякой знаетъ, что прямая любовь каждую красавицу дѣлаетъ прелестнѣйшею; послѣ того сія трудолюбивая свашенька не упустила по прозьбамъ госпожи своей, чтобъ не давать симъ любящимся особамъ часто ночныхъ поединковъ, ²⁾ а Груняша не позабывала всегда напоминать Селуяну, что ежели она ему не наскучала, то бы помышлялъ поскорѣе обвѣнчаться, ибо родители ее хотятъ выдавать замужъ и часто приказываютъ и докучаютъ выбирать жениха по мысли; мамкѣ же при всякомъ свиданіи со обѣихъ сторонъ бывали подарки не изъ двухъ, а изъ одного Кошкодавова кармана.

Въ одно время господинъ Кошкодавовъ, съ своею сожительницею поѣхалъ въ Новодѣвичей монастырь къ сестрѣ своей монахинѣ въ гости, которая, принявши ихъ благосклонно, спросила: „Я слышала, братецъ, что племянница моя Груша давно сюда приѣхала!“ — „Есть, матушка, сестрица, недѣль уже десятокъ!“ — отвѣчалъ господинъ. „Вотъ, какіе вы ближніе и единокровные

¹⁾ „Малый“ — слуга.

²⁾ „Ночные поединки“ — свиданія.

родственники, что не пришлете ко мнѣ повидаться и хотя малое время погостить! хотя бы я на голубушку мою посмотрѣла; я думаю, она уже и великонька!“ — „Да, теперь ей только дватцать другой пошелъ годъ, но еще по молодости своей глупа, — можно назвать робенкомъ! Однако хочу выбирать ей заблаговременно добринькова и смирнова женишка; пускай хотя лѣта и не ушли, но на старости бы, на нихъ глядя, повеселился, а она о томъ и не помышляетъ, — только смѣется!“ — „Дѣвичье, братецъ, дѣло!“ — „Когда надобно тебѣ, сестрица, ее видѣть, то пришлите, пожалуйста, кого-нибудь отъ себя, хотя и насъ дома не будетъ, она не отговорится, — я съ тѣмъ теперь ей и прикажу“.

Вскорѣ послѣ того пришло радостное для двухъ любящихся время. Господинъ Кошкодавовъ званъ былъ въ воскресной день на свадьбу къ господину ключнику Кособрюхову, куда и поѣхали, а мамка, еще по утру прибѣжавши къ Сальникову, объявила; онъ же съ радости не зналъ, что и дѣлать. Вдругъ пришло въ голову исполнить Груняшино приказаніе, дабы и ему тотъ же самой день учинить себѣ брачное веселіе; но только одного нужна не доставало, въ чемъ бы увезть Груняшу, — кареты съ лошадыми: ибо въ старину въ Москвѣ, окромѣ роспусковъ, наемныхъ совсѣмъ не бывало; а какъ дьяволы и не въ такихъ пустыхъ дѣлахъ несчастнымъ помогать приобыкли, то какой-то гулящей и проворной изъ нихъ малой, похожей на Селуяна, наставилъ его, шепнувши въ ухо на путь: „Э! братъ Селуянъ, не нашава ты сукна епанча! Котораго ты чорта не попросишь надобнова тебѣ у своего земляка, господина Са-

бакина, коему ты за проклятыми ходишь дѣлами и, вмѣсто правды, вставляя наши крючки, изъ кривыхъ дѣлаешь зрячими и всегда пляшешь по его дудкѣ? Поди, — онъ теперь дома и дастъ безъ отказа; только при прошеніи объяви ему, какую съ правдою сходную нужду“. Селуянъ по наученію брата своего, какъ ото сна проснувшись, захохотавши, захопалъ въ ладони, пошедши къ Сабакину, выпросилъ карету съ лошадьми и съ кучеромъ, якобы для смотрѣнія невѣсты, коя де живетъ отъ него въ третей улицѣ. Сабакинъ при дачѣ кареты, смѣючись, говорилъ: „Желательно бѣ мнѣ было, хотя бы ты нынѣшній день и свадебку съигралъ. Только не знаю, какая за тебя пойдетъ бесамыга¹⁾ или безмундирная!“ — „Увидите, сударь, какую подхвачу щеголиху, — изъ-подъ ручки посмотрѣть!“ отвѣчалъ Сальниковъ; а Сабакинъ перехватилъ: „Развѣ изъ-подъ Истеріи²⁾ или изъ пролому, въ томъ не сумнѣваюсь!“ Селуянъ, пріѣхавши домой, такъ кучера напоилъ виномъ сыто, что безо всякаго чувства взвалился на полу и захрапѣлъ. Селуянъ, скинувши съ него кафтанъ съ камзоломъ, сказалъ: „Спи, моя надежда, высыпайся, а я поѣду отправлять твою должность!“ Надѣвши ливрею, поѣхалъ ко двору господина Кошкодавова; поставя карету у двора, самъ вошелъ въ переднюю, приказалъ доложить боярину, а когда его дома нѣтъ — боярышнѣ, что прислала за нею тетушка, дабы она пожаловала къ ней дней на десятокъ погостить, чему она очень будетъ

1) „Бесамыга“ — оборванка, бѣдная.

2) „Истерія“ — гостиница.

рада — давно невидалую гостью принять. Грунюшка, имѣвши отъ родителей своихъ приказаніе, выскоча, тотчасъ узнала тетушкина посланника, спрашивала: „Въ добромъ ли здоровьѣ тетушка?“ — „Слава Богу, сударыня, какъ я поѣхалъ, была здорова, не сдѣлалось ли чего теперь; приказала, чтобъ, не мѣшкаявши, вы пожаловали“. Грунюшка не умѣла надѣть платья похуже, а выбрала самое лучшее, такъ же взяла и въ запасъ парочки двѣ-три, да изъ бѣлья хорошую ношу. Давши Сальникову, сказала: „На! снеси, Игнатъ, положи въ ящикъ, можетъ-быть, я у тетушки и долго прогощу, чтобъ не ходить въ замаранномъ“. — „Да у насъ, сударыня, есть въ монастырѣ свои служанки, по приказу тетушки вымоютъ“. — „Нѣтъ, лучше ѣхать съ запасомъ, по пословицѣ: поѣзжай на недѣлю, а хлѣба бери на двѣ. Такъ-то, Игнатушка“. — „То дѣло другое, сударыня“. Груняша такъ, какъ въ дальнюю собираючись дорогу, не позабыла взять и серебряной мелузги, ¹⁾ набивши полны карманы, сколько улеглось, хотя и тяжеленько. Что жъ дѣлать! своя ноша не тянетъ; а на послѣдокъ повязала на шею и на руки ожерелье и зарукавье акатистова ²⁾ жемчугу, въ рефить ³⁾ низанныя, хотя бы куда; такъ походить стала на невѣсту, да и не простую, а у Сальникова также въ каретѣ былъ кафтанъ заводной на щегольскую руку. Когда Груняша сѣла въ карету, то Селуянъ ударилъ по лошадямъ изо всей мочи, да

1) „Мелузга“ — мелочь.

2) „Акатистый“ — крупный, круглый.

3) „Рефить“ — сѣтка.

куда же? — на Пресню, къ Nikolъ на Ваганьково, гдѣ не только пришлова народу много, но и прихожанъ было дворовъ пятокъ и то почти пустыхъ; сыскавши попа и безъ вѣчной памяти за два рубля обвѣнчался. Сальниковъ пріѣхалъ домой благополучно, и какъ онъ жилъ хотя въ маломъ домѣ, но въ особомъ покоѣ, и пріѣздъ, и приходъ имѣлся съ задняго двора, то хозяину и не въ примѣту, кто придетъ и кто пойдетъ; нашедши кучера, не выспавшаго еще дрянъ, разбудя его, далъ на такой радости стаканъ свѣтлоча, — онъ и пуще окачурился. Положа его въ карету съ помощію своей кухарки, приказалъ ей подъ вечеръ попозже отвезть лошадей подъ усцы до конца улицы, гдѣ живетъ Сабакинъ, а тамъ и бѣжать, — ибо лошади, зная домъ господской, и сами пѣшкомъ дойдутъ: не позабылъ также положить подъ головы того мертваго тѣла кафтанъ съ камзоломъ и въ карманъ рубль денегъ на похмѣлье. Слуга Сабакинъ, идучи домой, увидя у двора стоящую карету и въ ней кучера чуть живова, отворя ворота, впустилъ на дворъ, доложивъ боярину, что прошеная Сальниковымъ карета стояла у воротъ и въ ней не было никого, кромѣ кучера, которой лежитъ въ рубашкѣ мертво пьянъ безъ всякаго чувства. Сабакинъ, какъ человекъ вспыльчивой, ругалъ всячески Сальникова, а на послѣдокъ схватя съ головы сѣдой парикъ, брося на землю, топталъ ногами, кричалъ во все горло: „Я бы етому мошеннику теперь же руки и ноги переломалъ, что онъ дѣлаетъ стыдъ моей старой и заслуженной головѣ отъ добрыхъ людей!“ Хотя же по просыпѣ спрашивалъ и кучера, гдѣ они съ проклятымъ ябедникомъ были и что дѣлали, но онъ,

какъ человекъ, ни о чемъ не вѣдущей, отозвался незнаніемъ,—что и квартиру забылъ Сальникова.

Селуянушка нашъ, получа въ руки безцѣнное сокровище, небоязненно и невозбранно живетъ уже съ мѣсяць во всякой тишинѣ и благополучіи: никто про то не зналъ, кромѣ Груняшиной попечительной надзирательницы, которая часто ихъ ночнымъ временемъ посѣщала, и отъ молодыхъ подчивана и одаряема была изобильно. Но тотъ же, конечно, проклятой адской поселянинъ, которой кареты просить приказывалъ, вздумалъ надъ нимъ сыграть шутку и поколебать ихъ спокойствіе. Господинъ Кошкодавовъ поѣхалъ въ другой разъ посѣтить свою сестрицу и навѣстить Груняшу. Приѣхавши, посидя часа съ три въ кельѣ, спросилъ монахиню: „Сестрица! да гдѣ же моя Груша? Развѣ ей не досужно къ намъ на часокъ показаться; я уже ее другой мѣсяць не видалъ“. — „Полно, братецъ, издѣваться и переливать изъ пустова въ порожнее: ты сказываешь, что Груню не видалъ другой мѣсяць, а я двенадцать лѣтъ! Что жъ дѣлать, когда такъ я безчастна, никогда не приидете“. — „Вотъ хорошо шутишь, сестра, кажется, вчерашней день минуло пять недѣль, какъ ты присылала съ лошадьми карету, а она сѣвши и поѣхала“. — „Развѣ чортъ вмѣсто меня присылалъ, а я не знаю! Вотъ мой малой,—спроси его, ѣздилъ ли онъ къ вамъ когда. Игнатка, поди сюда! когда ты ѣздилъ къ братцу за Грушею?“ — „Я два мѣсяца, сударыня, и пѣшкомъ изъ монастыря никуда не хаживалъ! да и за чѣмъ безъ приказу твоего господскаго по пустому слоны продавать? Правда, сударыня, виновать Богу и тебѣ, мы

почти и каждый день съ приворотникомъ и хлѣбниками въ заднюю калитку ходимъ на Москву рѣку купаться, но и опять всѣ въ цѣлости приходимъ!“ Кошковадовъ сидѣлъ за столомъ, потушивши глаза, облокотясь на лѣвую руку: „Ну! сестрица, завязали узелъ, какъ-то будетъ развязывать? Конечно, Груша та пропала; я, право, думалъ, что она съ тѣхъ поръ все у тебя, а теперь вижу, что обманъ сущей!“ — „Какъ, братецъ! ета шутка не очень ладна, я почти вся внѣ себя!“ — „А у меня, сестрица, такъ кожу подираетъ, подобно какъ въ Костенинскомъ застѣнкѣ въ рукахъ у добрыхъ людей палачей! Да тотъ человѣкъ, конечно, отъ сего никакъ у меня не отпляшется, кто надъ старикомъ не хорошо подшутилъ; теперь не иначе какъ буду просить самаго надежу Государя,—пускай прикажетъ по всѣмъ домамъ, не выключая и моево, сыскивать и по обыскѣ увозчика (наказать), а когда съ согласія сдѣлано, (то) и Грушку вызварить кнутомъ нещадно, дабы другимъ поводу не было, а тамъ и ступай, куда хотятъ, и какъ самъ не дамъ, такъ и женѣ закажу давать родительскаго благословенія: оно очень велико, а попу прикажу поминать анаеемою“. — „Потише, братецъ, очень жарко, не вдругъ! Статное ли ето дѣло, чтобъ кровь свою отдавать въ руки кровопійцѣ и тѣмъ себя и весь родъ порочить?“ — „Эхъ! сестрица, ты не знаешь, какъ моему сердцу больно, я, можетъ-быть, отъ сей игрушки долженъ буду оставить бѣлой свѣтъ! Теперь поѣду къ Союшкѣ и, сказавши, посоветую съ нею, что будетъ дѣлать; умъ—хорошо, а два—лутче того; я думаю, что она, моя голубушка, жива не будетъ, услыша едакую радостную вѣсточку:

вѣтъ она ту каналью бѣглянку не въ примѣръ горячае
меня любила, да и я не могу въ вѣкъ запомнить!“ —
„Ты, братецъ, не вдругъ ей сказывай, не умори, чтобъ
не ошибъ ее бѣдную и въ правду обморокъ!“ — „Ето,
сестрица, ничего обморокъ, — въ немъ не вѣкъ будетъ
лежать; только вспрыснуть крѣпкою водкою и облить
ведромъ водою, то и очнется; сберегъ бы Богъ отъ
большова обмороку, съ чемъ въ землю-то прячуть, а
временной ничего не стоитъ: баба здоровая выдержитъ
хотя и не обморокъ, — я съ молодыхъ лѣтъ былъ не
промахъ, а теперъ понавыкъ и побольше къ полезнымъ
дѣламъ, — приведу съ собою попа и лѣкаря, которой ни-
будь изъ нихъ да пособить. Позабылъ я въ печали,
изъ ума вонъ, послать прежде на Фили къ цыганамъ и
спросить пожилую бабу, вѣтъ они, колдуньи проклятыя,
отгадываютъ все. Потерять уже гривнягу, другую, да
чтобы правду сказала, а не скажетъ, то на конюшню
да плетми; я денегъ не жалѣю, — только устой въ
правдѣ. Вотъ, сестрица, кормилъ, поилъ, лелеилъ съ
годкомъ двадцать (съ) залишкомъ, — теперъ пошла каналья
по вѣтру; прости сестрица!“ — „Прости, братецъ, желаю
тебѣ потерянное обрѣсти въ цѣлости“. — „Поѣхать мнѣ
поскорѣй и объявить въ полиціи, чтобъ бѣглые сысканы
и по суду по строгости законовъ наказаны были!“ По
приѣздѣ домой и по разказаніи госпожѣ Кошковавой
сдѣлавшагося приключенія, что говорено съ ея золов-
кою, то и сбылось. Боярыня, упавши со стула на полъ,
захрапѣла: тутъ-то ни цопу, ни лѣкарю не можно (было)
показать своего искусства и больной учинить помощи, а
предсказательницы не имѣлось, и жива ли будетъ, не

известно. И какъ бояринъ одумался, что госпожѣ на полу лежать не прилично, то пятеро, на силу по слабости ея тѣла поднявши, положили на постель,—у ней же пѣна все то время клубомъ изо рта валила, такъ что водка и вода не помогала: то раздвоя стиснутые зубы лапотнымъ кочедыкомъ,¹⁾ влили ложки съ двѣ коноплянова масла, отъ котораго она, срыгнувши, очнулась, и стала охать, плакать и кричать попеременно: „Ахъ! Грушинька моя родимая, на которую ты сторонушку отлетѣла? и на кого ты насъ, своихъ кровныхъ, покинула? и гдѣ теперь имѣешь свое пребываніе?“ При сихъ словахъ привезена была съ Филей старуха, которая, переговора съ мамкой о печали господской, попросила горшечикъ, ни съ чѣмъ не держанной, влила въ него воды, положила три угля съ огнемъ, изъ четырехъ угловъ моху, соли, изъ печи глины и пеплу по щепоткѣ, сказала: „Боярышня не пропала,—она и теперь въ Москвѣ, въ добромъ здоровьѣ!“—„Да въ которой улицѣ?“—закричалъ бояринъ. „Етова не знаю, только не очень далеко!“—сказала ворожея,—„сидитъ самъ другъ съ мущиною!“—„Ахъ! пропали мы, Сонюшка! Разорвалъ бы обѣихъ въ клочки, когда бъ досталъ ихъ въ руки; воля Божья да государева была бы со мною, а ужъ я бы ихъ упеталъ! Государь бы мнѣ по давней и вѣрной моей службѣ простилъ и больше, нежели плутамъ-бѣглецамъ, повѣрилъ“.

По объявленію жъ господина Кошкодавова о пропавшей дѣвушкѣ, а не дочери, отъ полиціи по всѣмъ дворамъ учинены подписки. Что дѣлать нашему Селуяну,

¹⁾ „Лапотный кочедыкъ“—лапотное шило.

самъ не знаетъ, ибо хозяинъ его, провѣдавши, что онъ женился на неизвѣстной богатой дворянкѣ, пришолъ къ нему и говорилъ, дабы онъ, сходявши въ полицію, оправдался, или принесъ повинную, а въ противномъ случаѣ долженъ онъ его туда представить для своего оправданія, что въ домѣ его бѣглыхъ нѣтъ. Сальниковъ оболюстилъ хозяина, что онъ женатъ не на бѣглой, но (на) немало чинъ имѣющаго отца на дочери и, какъ объ немъ, такъ и объ ней весь знаетъ Новгородской уѣздъ подлинно и что онъ безо всякой боязни завтра же и съ женою поѣдетъ къ полицеймейстеру и оправдается и ему принесетъ квитанцію.

На другой день пошелъ нашъ молодой къ господину Сабакину, яко Кошкодавову другу задушевному, поваясь въ ноги, съ приватными говорилъ слезами: „Ты — мой родной и отецъ и мать, ты мой одинъ защититель и помилователь, прости ты меня въ винѣ моей тяжелой, которая къ рѣшенію только одной добродѣтельной души вашей принадлежитъ, и чрезъ то я снова рожденъ и на верьхъ моего благополучія отъ васъ возведенъ буду!“ — „Встань, воръ! ежели то вина, что ты лошадей моихъ, напоивши мертвецки пьянова кучера, положи въ карету, однихъ отпустилъ, то Богъ тѣ проститъ, впередъ у меня ничего, каналія, не выпросишь; а когда бы въ то самое время попался въ пыль, то я бы тебѣ живова ребра не оставилъ: быть такъ, Богъ твой добръ, — или бы, по крайней мѣрѣ, повертѣлся подъ плетями на конюшнѣ!“ — „Нѣтъ, батюшка, сія вина, о которой я прошу, меньше принадлежитъ вашему гнѣву, нежели та, которую вы мнѣ простили!“ — не вставая, говорилъ Саль-

никовъ: — „объ оной только стоитъ попросить вашего стараго друга Кошкодавова!“ — „Ахъ! каналія“, — перервалъ рѣчь его Сабакинъ, — „знаю теперь твои плутни: не ты ли, мошенникъ, достойной кнута и виселицы сманилъ его дочь? и гдѣ теперь она? сказывай!“ — „Нѣтъ, батюшка, я не сманилъ, а она со мной сама согласилась, я уже съ нею и обвѣнчался!“ — „Когда ты увидиш(ь)ся съ кнутомъ и палачомъ, тогда по своимъ лукавымъ замысламъ выискивай и прибирай законы и вывертывайся, а теперь мнѣ недосужно говорить съ тобою, поди съ глазъ моихъ долой, мнѣ до тебя никакова дѣла нѣтъ: дочь не моя и я въ томъ тебѣ ни помочи, ни наставленія дать не могу!“ — „Какъ, батюшка! Я васъ только въ томъ прошу, чтобъ вы у господина Кошкодавова въ уменьшеніи наказанія хотя малое помилованіе упросили“. — „Я тебѣ говорю, поди отъ меня прочь; ихъ колоколъ хотя совсѣмъ объ уголь, рассказывай тамъ свои лясы да болендрысы, а мнѣ право недосугъ, и своихъ хлопотъ полонъ ротъ“. Салниковъ, вставши съ полу, показался бодрымъ и небоязливымъ, говорилъ: „Вы, сударь, знаете уложенъе и указныя статьи? Не вѣдаю, что-то тамъ написано тѣмъ людямъ, кои въ подговорѣ и увозѣ бѣглыхъ способствовали“. — „Вотъ, смотрите, пожалуйста, ахъ, каналія, ябедникъ! Съ нимъ не можно и слова безъ опаски вымолвить; надобно говорить, да камень за пазухою или въ карманѣ держать; когда не такъ, то и по зубамъ, а безъ того нельзя! Скажи, адской сынъ, я ли тебѣ въ подговорѣ и увозѣ Кошкодавовай дочери былъ сообщникомъ?“ — „Не сообщникомъ и не участникомъ, сударь, но помощ-

никомъ“. — „Какъ? варваръ! вотъ какую несетъ кабалу и мелеть пыль!“ — „Такъ, сударь, и вы больше къ отвѣту имѣете участія, нежели я; вотъ по сему обстоятельству: когда у васъ прошена была мною карета, то я имянно вамъ показывалъ, что ѣду смотрѣть невѣсты, такъ и сдѣлалъ, — а вы еще сказали, чтобъ тотъ же день и свадьба сѣиграна была. Я, посмотрѣвши Груняшу Кошковадову, она мнѣ показала, да и я ей непротивенъ — ударили со обѣихъ сторонъ по рукамъ, да и поѣхали къ Николѣ на Ваганьково, и тамъ, по приказанію вашему, и обвѣнчались; а если бы тогда вашей кареты не было, то бы я не могъ имѣть къ женидѣбѣ никакова поползновенія, и Грунюшка не пошла бы никакъ въ хорошемъ нарядѣ такую даль пѣшкомъ! И теперь уже у меня никто жену отнять не можетъ, хотя бы кто и сто глазъ во лбу имѣлъ, и почитаю другимъ моимъ отцомъ Савастьяна Никулича, а матушкой Софью Варооломѣевну, а со мною въ томъ и Груняша моя согласна: мы одинъ противъ другога ни въ чемъ спорить и прекословить не будемъ, — люди не такіе, чтобъ имѣть распри, а дружелюбіе всего лучше на свѣтѣ, чему меня съ малолѣтства еще учили, а по тому правилу я и поступаю!“ — „Будетъ тебѣ, дружелюбіе и правило на спинѣ и на ребрахъ! Сей часъ запрягайте лошадей, поѣду въ правительство и буду просить правосудія, чтобъ ты, конечно, безъ суда за облыжное ¹⁾ на меня показаніе съкнутомъ поговорилъ!“ — „Милостивый государь! безъ суда никого ни сѣкутъ и не вѣшаютъ; вы знаете законъ: когда

¹⁾ „Облыжный“ — лживый.

виноватой показатель вытерпеть три указные розыска и огонь, то примутся и за того, на кого показываеть, — слѣдственно, и тотъ полѣзай въ хомутъ и терпи три бани; я, сударь, какъ-нибудь отдююсь, еще первая голова на плечахъ и кожа не вороть ¹⁾; какъ-то будетъ вытерпѣть другому, не знаю!“

При сихъ словахъ Сальниковъ, поклонясь, хотѣлъ итти изъ покоя и сказалъ: „Прости, милостивый государь, и знай Селуяшку; я не тужу о себѣ и что достанется мнѣ, то и тебѣ!“

А какъ въ старину почтенные и ни въ какихъ тяжбахъ не бывалые люди поединочныхъ почостокъ, какія говорены были Сальниковымъ, весьма боялись, — въ томъ числѣ такого жъ трусливаго сорту былъ и господинъ Сабакинъ, то остановя Сальникова, сталъ говорить потише и поласковѣе: „Что же мнѣ теперь съ тобою, проклятой сынъ, дѣлать?“ — „Вы развѣ не изволите знать, что только попросить моего батюшку во утоленіи на насъ гнѣва? Ибо теперь Грунюшка, услыша о сыскѣ себя вѣдомость, лежитъ больна при смерти, да и чють ли ей топтать будетъ росу ²⁾; жалко мнѣ и самому: сердечная, какъ пласть моя голубушка, на постелѣ съ боку на бокъ переворачивается, и охаетъ, и стонетъ попеременно! Бѣжалъ бы, куда глаза глядятъ, а въ ночное время и сонъ на умъ нейдетъ: иногда больше получаса трясется и дрожитъ подобно лихорадочнымъ припадкамъ, а потомъ, зажмуривши глаза, тяжело и вздыхаетъ!“ —

¹⁾ „Вороть“ — вывороченная одежда.

²⁾ „Топтать будетъ росу“ — будетъ жива.

„Я вѣрю, мошенникъ, что нѣжное дитя да поцалась къ вору въ неволю,—будешь дрожать и вздыхать, какъ мамонъ замелеть: полно, есть ли у васъ что и пообѣдать?“ — „Благодаримъ, батюшка, Бога; годъ другой проживемъ безъ нужды!“ — „Едакой плутище! а тамъ и зубы на полку положите?“ — „Батюшка что-нибудь пожалуетъ, ибо Груняша та моя имъ нечужая, да и я по ней теперь сталъ свой“. — „Я тебѣ сказываю, что называемой тобою отецъ пожалуетъ тебѣ на спину кнутъ, а Грунѣ вѣчное проклятіе!“ — „Опять принялся за кнутъ, куда какъ они у васъ дешевы! Лутче говорить вамъ нечего,— я еще человѣкъ, ни въ чемъ не обличен(н)ой и не здѣлалъ душегубства и другога вреднова обществу дѣла; сотворите послѣднюю со мною милость, съѣздите къ отцу моему и попросите, а я послѣ самъ отвѣчать стану; я вѣдаю по закону, что согласно учиненной со обѣихъ сторонъ бракъ по кормчей книгѣ никогда не разводять, а, хотя по вашимъ сказкамъ и желаніямъ, сильная рука, Богу судить, кнутишкомъ меня до смерти и застегаютъ, то Сальникова не будетъ поколѣнія, а Грунюшка останется ни вдова, ни мужная жена, ибо ее послѣ меня врядъ ли кто возметъ; потомъ, хотя будетъ и жаль, но возвратить не можно; поѣзжайте, сударь, и сорвите съ языка, что будутъ говорить, не позабудьте объявить, что Груняшка отъ ихъ проклятія при смерти ходя запинается!“ — „Сорвалъ бы тебѣ, плутъ, прежде голову, нежели на старости ходить за мошенника сватать и стараться за здѣланныя тобою плутни! Быть такъ, поѣдемъ теперь со мной къ твоему тестю, только смотри — не говори передъ нимъ ни еди-

наго слова, — живова не выпустить со двора; отца твоего, старика, чинимыя мнѣ службы заставили меня вмѣшаться въ пакостныя дразги; конечно, тебя чортъ на мою голову навязалъ плута! Вотъ, что дѣлаетъ простота, правду говорятъ, хуже воровства: ни зналъ, ни вѣдалъ, ни бивалъ, ни граблывалъ, а тутъ же съ плутомъ стой на одной доскѣ! „Дай карету!“ — а тамъ и сѣли на шею лукавые люди; ну! Селуяшка, доѣхалъ ты меня на карихъ!“

Приѣхавши къ Кошкодавову, которой и съ боярынею о потерѣ дочери былъ въ превеликой печалѣ, поставя Сальникова въ передней за дверьми, самъ пришедши къ нимъ, сталъ говорить: „Знаете ли вы? я вамъ радость скажу: отлучившаяся отъ вашего стада овечка нашлась!“ — „Гдѣ она, мой отецъ, вскочила боярыня, батька мой, скажи поскорѣй? Не томи сердца, не мори души!“ — „Я ее нашолъ, только въ глаза не видалъ!“ — „Однако по примѣтамъ, голубчикъ мой“, — перехватилъ бояринъ, какъ отъ сна пробудившись, — „ты, братецъ, сызнава насъ рождаешь!“ — „Вотъ вамъ сей человѣкъ лутче моего перескажетъ, а по тому и узнаете всю подкоренную тайну“. Привелъ имъ Сальникова. „Ахъ! здравствуй, братецъ, дорогой гость, пожалуй, поцѣлуемся, да садись пожалуй“, — подставлявая Кошкодавовъ стулъ (говорилъ), тутъ же и боярыня, слѣзши съ постели, подошла, — „Сядь, пожалуй, батюшка; какимъ ты побытомъ провѣдалъ про нашу дочь Грушиньку; ахъ, бѣдная Груша! Не въ неволѣ ли ты и въ добромъ ли ты здоровьѣ?“ говорили бояринъ и боярыня. Селуянъ, на вопросы ихъ ничего не отвѣчая, повалясь въ ноги, просилъ прощенія,

а какова, не изъяснялъ. Тѣ сколько разъ его кликали и толкали, но онъ притворился соннымъ или паче мертвымъ. Сказалъ Кошкодавовъ Сабакину: „Скажи, пожалуй, что это за человѣкъ? Мнѣ, будто, лице его знакомо и очень примѣтно, не знаю, какъ (бы не) вклепаться?“ Сабакинъ, вступившись за него, сказалъ: „Сядьте-тко вы, да послушайте, — я съ его росказовъ и вамъ то же самое объявлю!“

„Онъ, Новгородской дворянинъ, Вотской пятины, Селуянъ Сальниковъ, таскается за приказными ябедами по вотчиной коллегіи, приѣхалъ въ Москву жениться, и какъ-то у обѣдни полюбилась ваша дочь, онъ, сманивши ее, тихонько и обвѣнчался, и нынѣ живетъ съ нею благополучно!“ Сальниковъ, не вытерпя, лежа, сказалъ „Неправда, сударь, не она мнѣ полюбилась, а я ей, и не сманилъ, а сама захотѣла быть за мною, ибо младенца только можно чѣмъ обмануть, а Аграфена Савастьяновна отъ тѣхъ лѣтъ уже ушла!“ Съ чемъ изъ покоевъ и со двора побѣжалъ. Бояринъ и боярыня затопали ногами и, захлопавъ руками, закричали: „Держи, держи! Ахъ! Пропали мы, Сонюшка!“ при томъ бояринъ напоянулъ: „Не тотъ ли плутъ Сальниковъ, что въ Новѣгородѣ въ тюр(ь)мѣ умеръ?“— „То отецъ его былъ, а это сынъ“, говорилъ Сабакинъ. „О! мерзавецъ проклятой, что онъ сдѣлалъ надъ нашими головами! Поругалъ весь родъ и племя! Не утерплю, сей же часъ поѣду и стану просить о правосудіи, дабы етова плута извести съ свѣта поскорѣе,—онъ и не такихъ еще пакостей настроятъ! Вотъ, гляди, пожалуй, ему ли псу владать нашею дочерью? Кажется, она всѣмъ взяла и нѣтъ ли

приданова? Къ ней сватались чиновные и богатые женихи, но намъ, какъ чортъ запретилъ, выдавать: погодимъ, лѣтами она не остарокъ, не малина, не опадеть! Вотъ тебѣ малина сдѣлалась смородиною: то-то она, бывало, какъ станешь говорить про жениховъ, будто ничего не слушая, уйдетъ!“ — „Пожалуйте, не горячитесь, послушайте моего глупаго разума, а опослѣ какъ хотите!“ — говорилъ Сабакинъ: — „съ одной стороны, не правъ Сальниковъ, напротивъ того, не можно не обвинить и Грушиньку вашу, вотъ почему: когда бы отъ нее не было ко уходу съ нимъ согласія и не дала бы въ томъ поводу, могъ ли бы онъ среди бѣла дня вестъ ее пѣшкомъ черезъ половину Москвы въ нарядномъ платьѣ? Пускай, на примѣръ, положимъ, везена была въ закрытой каретѣ съ зажатымъ ртомъ, но передъ попомъ (не) надлежало ли ей сказать, охотою ль она идетъ замужъ или неволею, и съ послѣднимъ словомъ, конечно бы попъ и вѣнчать не сталъ! Пусть, по прошенію твоему, его и накажутъ черезъ подарки, ибо онъ голъ, какъ соколъ, пощититься нечѣмъ, что сорветъ, то и слопаеть; но безчестіе будетъ всѣмъ, а перваго браку, онъ говорить, по какой-то книгѣ не разведутъ безъ законнаго доказательства; бросьте, пожалуйста, клевету на сторону и благословите ихъ по-родительски“. — „Какъ, братецъ, тебѣ не стыдно и не совѣстно, за такого стоять мошенника! — Я бы его на чистомъ полѣ не видалъ!“ говорилъ Кошкодавовъ. „А я тебѣ истинно говорю, что мнѣ ета скотина не братъ и не свать“, — подхватилъ Сабакинъ, — „и вѣришь ли, что онъ мнѣ такъ нуженъ, хотя бы и теперь его увидѣлъ на висильницѣ качавшагося, то

бы право не охнулъ, а развѣ посмѣялся; но жаль васъ какъ старинныхъ друзей, что опорочите себя на вѣки, а, въ прочемъ, не мое дѣло, но ваше, почему и отдаю на произволъ вамъ же; прощайте, государи мои!“ Пошедши со двора, увидѣлъ въ концѣ улицы дожидающагося виноватаго. Подѣхавши, сказалъ ему: „Садись, негодяй, дѣло почти сработано, поѣдемъ, посѣтимъ твою молодую, я ее съ приѣзду сюда не видывалъ!“ Сальниковъ отъ радости не зналъ, какую господину Сабакину воздать благодарность, но самъ насилу могъ удержаться отъ смѣху, что удалось обмануть такого столповова дворянина; говорилъ ему: „Пожалуйте, батюшка, милости прошу, сударь, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, хотя дѣло и не пасеное, но для васъ сыщется что-нибудь“. — „Мнѣ только поглядѣть на Груняшу“. — „Увидите и ее, сударь, она хотя черезъ великую силу, а для васъ встанетъ“. По приѣздѣ къ Сальникову на квартиру, Груня по наученію мужнину, лежа въ постелѣ и по немножку постанываетъ. „Встань, матушка Грушинька! Его милость—тотъ, которой выпросилъ намъ у батюшки прощеніе и благословеніе!“ — „Здравствуй, радость Аграфена Савастьяновна! Узнала ли ты меня? Тьфу, пропасть какая! Я, долго не выдаючи тебя, не узналъ бы,—смотри какъ она изхудала! Право, какъ дыня; я думаю, что и костей врядъ (ли) дощупаться: ну! братъ Селуянъ, болѣзнь-то видно не съ недоѣдковъ!“ — „Она, сударь, пошла по матушкѣ, имѣетъ облое ¹⁾ тѣло“. Груня, вставши, поздоровалась съ своимъ сосѣдомъ, поднесла имъ по

¹⁾ „Облый“—полный, толстый.

черепенѣ водки, какой лутче въ городѣ не было. Сабакинѣ, выпивши, похваливалъ, а Сальниковъ отвѣчалъ: „Какова есть, сударь“,—равно и закуски не много отъ водки отходили.

Выпивши по другой и по третей, гость спросилъ „А какой бы больше припадокъ ¹⁾ ее мучить?“ — „Конечно, отъ того, сударь, что батюшка наложилъ проклятіе,—то я ни на землѣ, ни подъ нею; какъ паутину шатаетъ вѣтромъ, такъ и меня, а отъ проклятія то, сказываютъ, и земля не принимаетъ; и по тому, хотя жизнь моя коротка, однако не хочется умереть безъ разрѣшенія!“ Сабакинѣ, поблагодаря за угощеніе, сказалъ: „Молитесь Богу,—скоро, можетъ, получите и прощеніе и разрѣшеніе! Имъ еще прежде самимъ умереть должно,—люди пожилые, какъ я!“ Сѣвши въ карету, поѣхалъ домой, а, между тѣмъ, Кошкодавовъ, объѣздя, кромѣ Сабакина, другихъ своихъ друзей, рассказалъ, что онъ дочь свою нашель уже замужемъ за самымъ послѣднимъ дворяниномъ, шатающимся единственно за приказными дѣлами, и, что ему съ нимъ учинить, требовалъ совѣта; но друзья сказали: „Ежели свадьба съиграна съ согласія, то уже отнять нельзя и по суду“,—только себѣ сдѣлаетъ онъ вѣковѣчное безчестіе на посмѣхъ всему городу.

Кошкодавовъ, сколь ни былъ упорчивъ, однако, вспомнивши и Сабакины слова, склонился къ милосердію — дочь свою простить и Сальникова назвать зятемъ. Приѣхавши домой, сказалъ о томъ своей боярынь, которая

¹⁾ Въ текстѣ: «припадокъ».

также хотя была и очень сердита, но гнѣвъ свой умячила, ибо матери дѣтей, особливо дѣвушекъ, любятъ горячае, нежели отцы; усердно желала тотъ же день дочку свою видѣть и помириться; съ согласіемъ мужа, сыскавши чрезъ малова Сальникову квартиру, послала его провѣдать о здоровьѣ. Аграфенушка, увидѣвши отъ батюшки посланца, тотчасъ легла подъ одѣяло и стала жестоко охать, а Сальниковъ, сидя надъ нею, воетъ, какъ по мертвой. Слуга, увидя ихъ въ такомъ состояніи, испугался; а Сальниковъ, вставая со стула, говорилъ: „Вотъ братецъ, видишь ли, какъ сильна родительская немилость и гнѣвъ; она бы, можетъ, давно Богу душу отдала, но земля не принимаетъ; донеси батюшкѣ и матушкѣ, хотя бы въ послѣдній разъ сдѣлали милость—простили и прислали родительское благословеніе! Съ чѣмъ ей на тотъ свѣтъ появиться,—а здѣсь такъ долго понапрасну мучится?“ Малой, пришедши домой, разсказалъ видимую имъ надъ боярышнею жалость. Госпожа первая, вскоча со стула, закричала на мужа: „Вотъ ты, старой негодяй, что надѣлалъ со своимъ проклятіемъ! Слышишь ли, что потеряли свое милое дитячко? Долго ли уморить младенца!—она, я чаю, голубушка моя, со страсти пропала!.. Эй! мама, поди сюда.—Взявши образъ со стѣны окладеной съ низаною ризою,—бѣги скоряе къ нимъ, и вмѣсто насъ, скажи миръ и благословеніе на вѣки; а ты, Софрошка, запряги поскоряе карету и проводи ее! Вотъ имъ, бѣднякамъ, отъ меня тысяча рублей на овощи!“ Мамка, тотчасъ помолясь Богу, поѣхала. Вошедши въ горницу, сказала, что родители ихъ прощаютъ и разрѣшаютъ. Аграфенушка

при холуѣ ¹⁾ будто насилу встала съ постели. Мамка, посидѣвши немного, — что при маломъ разговаривать опасно, — поѣхала домой, а, приѣхавши, сказала, что она баярышню застала при послѣднемъ издыханіи: „А какъ услышала отъ васъ прощеніе, то какъ рукою сняло: вставши, моя матушка, немножко со мною и попромолвила, и благодарность вамъ отъ горячности сердца засвидѣтельствовать приказала (чего и не бывало)!“ Боярыня, будучи въ превеликомъ жару, запыхаясь, улыбаючи говорила: „Вотъ ты, старый телелюй, ²⁾ заслуженой и умной, называеш(ь)ся, человекъ, — ето совсѣмъ не правда, — вашихъ такихъ умныхъ сто головъ не могутъ въ годъ того сдѣлать что женская, какъ моя, въ одну минуту сработала! Конечно бы ты уморилъ Грушу-та, ежели бы не я помогла“. — „Правда, такъ“, — сказалъ бояринъ, — „хороша дочь, если мать любить, — авсяная каша сама себя хвалить“. — „Пожалуй, помолчи и не говори теперъ ничего!“ — кричала баярыня, ходя туда и сюда по покою: — „Мама! Пожалуй ко мнѣ! Здѣсь тебѣ дѣлать нѣчего, поди къ Грушѣ и начуй тамъ! И легче ль ей будетъ, завтра по утру скажи; примѣчай же и того, горячо ли любить ее мужъ и ходить ли за нею, какъ надобно!“ Филатъ чему и радъ, — мать умираетъ, а онъ блины утираетъ: ровно и сія лукавая баба, пришедши въ горницу къ молодымъ, все рассказала, а они покатывались со смѣху, что стариковъ со всѣхъ сторонъ мертвою рукою обводятъ. По утру очень рано пришла мамка домой, а боя-

¹⁾ „Холуй“ — слуга, холопъ.

²⁾ „Телелюй“ — рохла, разиня.

рыня уже въ спальномъ шугаѣ¹⁾ дожидалась. „Что, мамка? есть ли легче бѣдной моей Грушѣ? и что она дѣлаетъ?“ Мамка, будто съ поповъ, прибѣжавши, сказала: „Слава Богу! сударыня, какъ ни въ чемъ не бывала, и никакой болѣзни и припадка не чувствовала, и такъ была мнѣ рада, какъ бы вамъ самимъ, только немножко на личикѣ видна печаль, что съ вами долго не видалась; а Селуянъ Софроновичъ, то-то прямой мужъ, и ласковой, и привѣтливой, какъ голубь за голубкою, — такъ равно и онъ за боярышнинымъ хвостомъ по пятамъ ходитъ, и при мнѣ больше, нежели тысячу разъ, поцѣловались! Ужъ парочка! Нѣчего Бога гнѣвить, а и боярышня умѣла выбрать сокола по мысли, — оба, мои батюшки, какъ налитые яблочки, даруй, Боже, еще больше совѣтъ да любовь!“ Боярыня, отъ радости не удержавши себя отъ слезъ, прибѣжавъ къ боярину, о томъ возвѣстила, которой, открывъ полусонные глаза, сказалъ: „Позовите ихъ ко мнѣ обѣдать, а другимъ сказывать: дома нѣтъ!“ Боярыня опять мамку на ноги съ каретою. Грунюшка нарядилась въ лучшее подвѣнечное платье съ приборомъ, и Селуянушка также убрался пощеголеватѣе обыкновеннаго. Приѣхавши, повалились оба боярину въ ноги, которой на нихъ необыкновенно громко закричалъ: „Сказывайте, негодные, кто изъ васъ правъ и кто виноватъ?“ Грунюшка первая принялась за отвѣтъ: «Хотя, батюшка, замучить меня прикажете, — я одна причиною, я одна виною: страстная моя любовь къ Селуяну Софроновичу до того довела, что я васъ обвиняться не спро-

¹⁾ „Шугай“ — простой сарафанъ, гладкій.

силась; подумала, что вы, за бѣдностію его, меня отдать не изволите, а мнѣ и жить безъ него не хотѣлось: такъ-то мы и здѣлали свадьбу. Въ тотъ самой день, какъ вы ѣздили на веселье къ Кособрюхову, а я подъ видомъ, будто поѣхала къ тетушкѣ, и никто въ домѣ, окромѣ меня, сей тайны не вѣдалъ!“ Боярыня, подошедши къ мужу, ударила въ шутку по плечу, сказала: „Ну, къ чорту! Полно чваниться, торить ¹⁾ ихъ бѣдняшекъ! Видишь ты, какъ настрачалъ, что они и пошевельнуться не смѣютъ!“— „И въ правду, встаньте, дѣти мои!“ — поцѣловавши ихъ, говорилъ: — „Я знаю справедливую пословицу: „Суженова и на конѣ не объѣдешь“. Теперь обоихъ васъ прощаю, только будьте добрые люди; отъ сего времени нѣтъ моего на васъ гнѣва, — вижу, что больше виновата Грушка, нежели Селуянъ, по ихъ собственнымъ сказкамъ и признанію, а добровольное признаніе стоитъ добраго свидѣтеля: пойдете обѣдать!“ А послѣ онаго, введши Кошкодавовъ Сальникова въ свой кабинетъ и разбирая крѣпости, спрашивалъ, сколько гдѣ душъ написано. „Въ первой, сударь, 600 душъ въ Новгородскомъ уѣздѣ!“— „Пожалуй, положи!“ Подавши другую, спрашивалъ: „А здѣсь много ли?“— „400 домовъ въ Алаторѣ“. — „И сію также оставь!“ А въ третей сколько?“— „2600 дворовъ въ Синбирскомъ уѣздѣ!“ — „Жирно, братъ! Эта материнская приданая; пожалуй, положи!.. Натко, ету посмотри!“ — „360 душъ около Кромъ и Севска“. — „Будетъ съ васъ докуда: мѣсто хлѣбородное и всѣмъ довольное: напиши отъ

1) „Торить“ — журить, бранить.

меня вѣрющее письмо, поди въ Юстицію, справь и откажи за собою!“ Селуянъ, хотя и простоватъ, однако подтяналъ ту крѣпость, въ которой тысячи, а не сотни написаны; поднесши старику вѣрющую грамоту, а онъ, подмахнувши, ее отдалъ: „Вотъ вамъ съ моей руки,— разживайтесь!“ Селуянъ поклонился ему въ ноги, а мать провѣдала, что Кошкодавовъ такъ сталъ торовать, призвавши дочь, говорила: „На! и моя деньга не щербата!“ — дала изъ приданныхъ своихъ 300 душъ въ Брянскомъ уѣздѣ, — „Ето богдашкѣ на зубокъ!“ По приѣздѣ домой, Селуянъ объявилъ о воровствѣ своемъ Груняшѣ, которая съ радости едва его не задушила поцѣлуями, говоря ему, что, хотя отецъ теперь за что-нибудь на нихъ и взбѣсится, то взять будетъ нѣчего. И такъ Селуянъ, оставши отъ приказныхъ волокитъ и ябедъ, поѣхалъ тихонько съ женою своею для отказа новой вотчины, гдѣ нашелъ не село, а городъ. Съ годъ времени спустя, господинъ Кошкодавовъ, не захотя жить болѣе на свѣтѣ, опокинулъ (его), а потомъ и боярыня туда же водворилась, не взявши съ собою ни единыя души, а всѣхъ поручили въ полную власть Сальникову. Онъ же, когда сталъ такимъ пушистымъ господиномъ, вспомнивши даваемая ему къ обманамъ наставленіи учителя своего дьячка, послалъ къ нему нарочнова, и, выписавши изъ духовнаго чина, опредѣлилъ его надо всѣмъ своимъ имѣніемъ полнымъ управителемъ; а мамку, за ея вѣрность и услуги, наградя щедро, отпустилъ на волю, но она, видя отъ нихъ всегдашнюю милость, осталась жить до смерти; а сестрица Селуянова Фетинья, не дождавшись отъ брата посланца, за недѣлю передъ тѣмъ скон-

чалась. Селуянъ Сальниковъ, живучи со своею любезною Груняшею лѣтъ поболѣ десятковъ пяти, любя одинъ другава сердечно, утопая въ роскошахъ, забавахъ, и веселіяхъ повсядневно,—также, какъ и другіе, померли, оставя по себѣ на землѣ не малое число потомковъ Сальниковыхъ, которые и въ нынѣшнемъ времени называются такъ.

«Исторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ».

„Россійскій дворянинъ“ Фроль Скобеевъ по складу своей природы и по „поступкамъ“ своимъ выдѣляется изъ общей группы героевъ старо-русской до-Петровской повѣсти: передъ нами—„новый“ человекъ, „герой новаго времени“, „плутъ“ и „ябедникъ“, ставящій себѣ цѣлью достиженіе матеріальнаго благополучія, стремящійся во что бы то ни стало „жить роскошно“ и проявляющій при этомъ изумительную находчивость, смѣлость и исключительную энергію. Задуманное имъ выполняется безъ всякихъ колебаній: „или буду полковникъ“, говоритъ онъ сестрѣ: „или покойникъ!“... „А буде зделается несчастье, то прошу не позабыть меня поминовениемъ!“

„Ловкій дѣлецъ“, умѣющій прекрасно устраиваться при всякомъ стеченіи обстоятельствъ, онъ вполне реаленъ, какъ личность, какъ равно реальна и вся „исторія“ его походовъ, гдѣ даже „поэзія любви“ находится на службѣ у холоднаго разчета матеріалистически настроеннаго „героя“. Сытое благополучіе и „великое богатство“ въ видѣ конечнаго жизненнаго идеала изгнали изъ повѣсти не только поэзію, но и фантастику, столь обычную въ нашей старой повѣсти: проза жизни, уголокъ

семейной хроники, „житейскій случай“, хотя, можетъ быть, нѣсколько и выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, заполняютъ ея содержанія. „Героемъ“ какого же времени былъ Фроль Скобеевъ? Въ самомъ началѣ нашего текста стоитъ определенное указаніе на время дѣйствія „Исторіи“: „1680-й годъ“. Хотя намъ и нельзя доказать истинности этого показанія текста въ виду того, что главные дѣйствующія лица повѣсти названы только по фамиліямъ и не носятъ собственныхъ именъ (Нардинъ-Нащекинъ, Ловчиковъ),—почему и затруднительно вывести ихъ историчность,—но у насъ пока нѣтъ и особыхъ основаній сомнѣваться въ немъ, такъ какъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи историческія данныя не противорѣчатъ этому: такъ, въ 1676-мъ году мы знаемъ трехъ стольниковъ изъ рода Ординъ-Нащекиныхъ, а въ 1677-мъ году намъ извѣстны два стольника Ловчиковы ¹⁾.

Но самая повѣсть написана позднѣе, на это указываетъ прежде всего отношеніе автора къ описываемымъ событіямъ, какъ къ старинѣ (говоря о собраніи стольниковъ у Ивановской колокольни въ Кремлѣ, онъ такъ выражается: „Тогда все обычаі имѣли быт(ь) в собран(і)и“...), а также и словарный матеріалъ („увеселительные вечера“, „банкеты“, „квартира“, „лакейское платье“, „публикація“, „трости натуральные“, „реестръ“ и др.), который говоритъ за переходную эпоху на переломѣ двухъ вѣковъ: конецъ XVII-го или начало XVIII-го вѣковъ,—отодвигать же дальше время составленія повѣсти невозможно, потому что у автора ея слишкомъ живы,

¹⁾ Н. Н. Кононовъ. Сообщение о повѣсти «Фроль Скобеевъ», V т. «Трудовъ Славянской Комиссіи» И. М. Арх. О-ва, 92-ое зас.

сильны и ярки впечатлѣнія отъ XVII-го вѣка и его быта, который такъ колоритно и художественно изображенъ имъ въ „Исторіи“.

„Житейскій случай“, послужившій сюжетомъ повѣсти, весьма не замысловатъ и рассказываетъ о томъ, какъ бѣдный дворянинъ, „гольца“ Скобеевъ, разбогатѣлъ путемъ выгодной женитьбы на стольничьей дочери.

Скобеевъ происходилъ по повѣсти изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Новгородскаго уѣзда; въ томъ же уѣздѣ были вотчины „большого боярина“, стольника Нардина-Нащекина, у котораго въ тѣхъ вотчинахъ проживала дочь его Аннушка. Фролъ, удумавъ добыть богатую невѣсту, остановилъ свой выборъ на Аннушкѣ; съ первыхъ же шаговъ хитро и дѣловито принимается онъ осуществлять свое „намѣреніе“, — для чего предварительно дружится съ приказчикомъ боярской вотчины и задариваетъ „рублевиками“ Аннушкину мамку, рассчитывая впоследствии воспользоваться ея услугами. Случай вскорѣ помогъ ему „опознатца“ съ Аннушкой, которая на святкахъ созвала къ себѣ дворянскихъ дѣвицъ, дочерей окрестныхъ помѣщиковъ, „для веселости на вечеринку“; среди приглашенныхъ оказалась и сестра Скобеева, которая находилась въ полномъ у него по своему сиротству подчиненіи. Съ великимъ страхомъ выслушиваетъ она приказъ брата принести ему „дѣвичей уборъ“, чтобы, переодѣвшись въ него, ему можно было проникнуть „въ теремъ“ къ боярышнѣ: „вел(ь)ми о томъ сокрушалас(ь), — понеже, ежели признаютъ его, то: „Конечно будетъ (въ) великой беде брат мой, а стол(ь)никъ тотъ Нашекин в великой милости при царе!“

Фроль оказывается превосходнымъ актеромъ, и мастерски ведетъ свою роль: „и никто ево познат(ь) не можетъ“ въ теремѣ Нащекинской вотчины, пока онъ самъ не открывается мамкѣ, говоря, что проникъ къ нимъ чтобы „опознатца“ съ ея боярышней и имѣть съ нею „обязательную любовь“. Мамка колеблется нѣкоторое время, но мольбы Скобеева, который, забывъ свое дворянство, становится передъ нею на колѣни, а больше того щедрый подарокъ—заставляютъ ее перейти на его сторону. Вскорѣ она устраиваетъ свиданіе Фрола съ Аннушкой „во особой свѣтлицѣ“, объявивъ ихъ „женихомъ и невѣстой“, въ предложенной ею дѣвицамъ игрѣ въ свадебные обряды, столь любимые въ старо-русскомъ быту.

Во время свиданія „жалость вселяется въ сердце Аннушкино“ къ Фролу, и онъ на вѣки становится ея избранникомъ. Въ знакъ своей „жалости“ Аннушка даритъ своего „любезнаго“ червонцами при разставаніи съ нимъ,—„плуть“ торжествуетъ свою удачу, что умѣло подчеркиваетъ авторъ повѣсти: „и с того времени гол(ь)ца Скобеев разжился, и сталъ жит(ь) роскошно, и дѣлал банкеты съ протчею своею братьею дворяны“.

Но скоро надъ головой удачливаго „героя“ грянуль громъ въ видѣ столыничьяго приказа: ѣхать дочери въ Москву „для того, что сватаются к ней женихи хорошия, стол(ь)ничьи дѣти“.

Не долго былъ онъ „в великом сумнен(і)и“ послѣ отъѣзда „любезной“, а золоживъ свои земельныя угодыя и попрощавшись съ сестрой: „Ну, матушка, сестрица, пожалуй, не тужи ни об чемъ: хотя и живот мой утра-

чю,—по техъ мѣстѣ и жизнь моя кончается, а от Аннушки не отстану“, — отправляется также въ Москву. Приѣхавъ въ Москву, Скобеевъ „стал на квартирѣ близъ двора“ Нащекина и отъ Аннушки черезъ мамку, съ которой видался въ церкви, получилъ 20 рублей. Вскорѣ случай опять помогаетъ Фролу: Аннушка присылаетъ къ нему мамку съ приказомъ добыть карету и выкрасть ее изъ родительскаго дома, сказавшись, что присланъ де онъ отъ тетки ея изъ монастыря, которая просила прислать къ ней Аннушку погостить. „Фролка“ бросается къ стольнику Ловчикову, выпрашиваетъ у него карету, смѣло увозитъ стольничью дочь, воспользовавшись отъѣздомъ родителей ея въ гости, и женится на ней тайно. Узнавъ правду о пропажѣ дочери, Нащекинъ ѣдетъ къ Государю, который и повелѣлъ „учинит(ь) публикацію о той стол(ь)ничьей дочери“, чтобы ее разыскать и отцу возвратить.

При приближеніи бѣды во Фролѣ просыпается „ябедникъ“ и онъ ловко запутываетъ въ свое дѣло благодѣтеля своего Ловчикова: „Ежели ты предстател(ь)ствовать не будешь обо мнѣ, и тебе будетъ не безъ слова! Мнѣ уже пришло показат(ь) на тебя, для того что ты возникъ и карету давал, а ежели б ты не дал,—и мнѣ б того не учинит(ь)!“ Запутавшись въ хитро раскинутыхъ сѣтяхъ „ябедника“, Ловчиковъ противъ воли соглашается за него „предстательствовать“ и приказываетъ Фролу явиться на Ивановскую площадь въ Кремль и здѣсь послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ „объявить о дочери“ Нащекину, который будетъ тамъ съ другими стольниками „въ собраніи“. Сцена на площади вышла красоч-

ной у автора повѣсти не только съ бытовой стороны, но даже и съ психологической, когда онъ говоритъ о состояніи стараго стольника послѣ „объявленія“ о дочери: „зжалился (онъ) слезами, и стал в беспамѣтстве, и мало опаматовался, и стал говорить“,—не можетъ онъ успокоиться еще и дома: „идет в покой, жестоко плачет и кричит“.

„Придя в память, сожалея о дочери“, родители Аннушки рѣшили послать провѣдать ее своего слугу,—съ этого мѣста и до конца повѣсти изъ-подъ пера автора выходятъ сцена за сценой одна прекраснѣе другой по яркости и живости письма.

Превосходный актеръ самъ, „Фролка“ этому „мастерству“ научаетъ и свою молодую жену, которая быстро по его приказу заболѣваетъ, „притворивъ себя, яко бы бол(ь)на“, при приближеніи родительскаго посланца, давая тѣмъ возможность говорить мужу, указывая на нее: „Таков ти родител(ь)скої гневъ,—они еѣ заочно бранять и кленут, — оттого она при смерти лѣжит!“ Когда же родители, „утоливъ“ свои сердца, посылаютъ образъ въ знакъ прощенія и благословенія, то она такъ же быстро по приказу выздоравливаетъ, и торжествующій „плутъ“ лицемѣрно говоритъ: „Таково ти родител(ь)ское благословеніе“.

Скоро послѣ того отъ стольничьяго двора потянулись подводы къ „квартирѣ“ молодыхъ съ различнымъ „запасомъ“ для ихъ прокормленія; и сталъ Скобеевъ „ездит(ь)“ вездѣ по знатнымъ персонамъ, и вес(ь)ма Скобееву удивлялся, что онъ здѣлалъ такую притчину и такъ смело“. Спустя нѣкоторое время сердцемъ своимъ родители окон-

чательно „обратились“ къ дочери и зятю, пожелали ихъ видѣть и, побранивъ для виду, „отпустили вину“ ихъ. Мастерскими штрихами дорисовываетъ здѣсь авторъ портретъ старика-боярина, который, какъ живой, стоитъ теперь передъ читателемъ. Простивъ дочь, онъ еще продолжаетъ колоть словами зятя: „Тебе ли бы, плуту, владет(ь) дочерью моею!“—а садясь за столъ, приказываетъ слугамъ никого къ нему не пускать: „Время (де) такого нетъ стол(ь)нику, для того что з зятемъ своимъ, воромъ и плутомъ Фролкою Скобеевымъ кушаетъ!“ „Плуть“—зять своею покорностью подкупаетъ, наконецъ, его, и онъ надѣляетъ „Фролку“ вотчинами и деньгами, а по смерти „учиняетъ“ наследникомъ „во всемъ движимомъ и недвижимомъ имен(i)и“.

Доведя своего героя до полного житейскаго благополучія, авторъ уже перестаетъ имъ интересоваться и заканчиваетъ свою повѣсть въ обычныхъ эпически-спокойныхъ тонахъ: „и тако Фрол Скобеевъ живя в великой славе и богатстве, наследниковъ по себѣ оставя, и умре“.

„Исторія“ о Фролѣ Скобеевѣ благодаря своему „живству“ нашла своего читателя: въ концѣ XVIII-го вѣка она, возбудивъ къ себѣ особый интересъ, была даже переработана писателемъ Новиковымъ (однофамилецъ Н. И. Новикова) и напечатана имъ въ сборникѣ „новеллъ“, носящемъ общее заглавіе: „Похожденіе Ивана Гостиннаго сына и другія повѣсти и сказки“. СПб. часть первая. 1785-й годъ,—въ сборникѣ этомъ „исторія“ получила другое заглавіе: „Новгородскихъ дѣвушекъ святочной вечеръ, съигранной въ Москвѣ свадебнымъ ¹⁾).

¹⁾ См. приложение.

Авторъ передѣлки - „новеллы“ внесъ въ „исторію“ еще большую живость, яркость и полноту изображенія, мѣстами любовно и тщательно выписывая детали и фонъ дѣйствія и разрабатывая въ цѣлыя сцены намеки и случайно оброненныя авторомъ „исторіи“ подробности, дополняя и оживляя новыми штрихами характеристики дѣйствующихъ лицъ.

Чтобы познаться съ тѣмъ, какъ измѣнились и выросли литературныя требованія и приемы разработки сюжета у писателя конца XVIII-го вѣка по сравненію съ авторомъ „исторіи“, достаточно сравнить хотя бы только начало того и другого произведенія. Причудливое соединеніе чертъ XVII-го и XVIII-го вѣковъ въ „передѣлкѣ“ Новикова, пониманіе быта и „психологіи“ своихъ героев, легкость и непринужденность развитія дѣйствія, естественный реализмъ разсказа и, наконецъ, своеобразный юморъ повѣствованія, — дѣлаютъ эту „литературную обработку“ интереснымъ фактомъ въ историко-литературномъ отношеніи.

Но этимъ не заканчивается литературная исторія нашего сюжета, и почти черезъ сто лѣтъ мы встрѣчаемъ новую передѣлку „исторіи“: „Комедія о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скабѣевѣ и стольничей, Нардынѣ-Нащекина, дочери Аннушкѣ“ — въ пяти дѣйствіяхъ. Д. Аверкіевъ. СПб. 1868-й годъ. По ремаркамъ автора дѣйствіе происходитъ „при Тишайшемъ Царѣ: 1-е на посадѣ близъ Новагорода, 2-е въ усадьбѣ Нащекина, 3-е, 4-е и 5-е — на Москвѣ. По времени первое и второе — примѣрно на святкахъ, третье въ серединѣ апрѣля, четвертое и пятое — въ маѣ“. Если обработку Новикова

правильнѣе было бы назвать „пересказомъ своими словами“, то „комедія“ является вполнѣ „свободнымъ творчествомъ“: достаточно указать, что все первое дѣйствіе „сочинено“ ея авторомъ и не находитъ себѣ оправданія въ текстѣ „исторіи“. Хотя комедіи нельзя отказать ни въ сценичности, ни въ занятности, но она мало удовлетворяетъ современнаго читателя своимъ нѣсколько псевдорусскимъ характеромъ изображенія нашей прошлой жизни.

„Исторія“ походовъ Фрола Скобеева—крупное и важное, какъ мы видѣли, явленіе въ области старо-русской повѣствовательной литературы,—своимъ реализмомъ и художественной правдой она черезъ свои „обработки и передѣлки“ органически связана съ реально-художественной литературой XIX-го вѣка, служа лишній разъ самымъ нагляднымъ показателемъ непрерывности въ эволюціонномъ развитіи русскаго національнаго творчества.

Б. Дунаевъ.

Свѣдѣнія о матеріальной и технической сторонѣ выпуска:
„Исторія о російскомъ дворянинѣ Ѳроле Скобеевѣ“.

„Исторія“ напечатана по рукописи г. Титова № 2461.
XVIII-го вѣка.

Текстъ „Исторіи“ воспроизведенъ буква въ букву. Всѣ измѣненія и поясненія оговорены и вынесены въ подстрочныя примѣчанія. Крімъ того, на листѣ 18-мъ об. выпущено отъ 1-й до 3-й строкъ; на листѣ 19-мъ изъ строкъ: 3-й (2 сл.), 7-й (7 сл.), 10-й (2 сл.), 14-й (5 сл.) и отъ 17-й до 19-й; на листѣ 19-мъ об. изъ строкъ: 5-й (2 сл.), 8-й (7 сл.), 10-й (3 сл.) и отъ 13-й до 16-й. Въ текстѣ повѣсти лицевыхъ изображеній нѣтъ, — поэтому иллюстраціи выпуска, освѣщающія содержаніе повѣсти, взяты изъ другихъ источниковъ, указанныхъ въ подписяхъ подъ рисунками. Скобки, употребляемыя въ текстѣ, имѣютъ слѣдующе значеніе: () ставятся при вставкахъ въ текстъ редактора, а [] для затѣмняющихъ смыслъ словъ текста.

„Приложеніе“, представляющее собой „обработку“ „Исторіи“ въ XVIII-мъ вѣкѣ Новиковымъ, напечатано по первоначальному тексту 1785-го года: „Похожденіе Ивана Гостиннаго сына и другія повѣсти и сказки.

С.-П.-Б. часть первая. 1785-й годъ“, — здѣсь „Исторія“ носить другое заглавіе: „Новгородскихъ дѣвушекъ святочной вечеръ, съигранной въ Москвѣ свадебнымъ“. Изъ текста этого на страницѣ 116-й выпущено отъ 4-й до 3-й стрк. (снизу); на стр. 117-й изъ 6-й стрк. (3 сл.), отъ 7-й до 5-й (снизу); отъ 117-й до 119-й (отъ 1-й снизу стрк. до 5-й); на стр. 119-й изъ 9-й стрк. (3 сл.); отъ 119-й до 120 (отъ 14-й до 1 стрк.); на стр. 120-й отъ 1-й до 7-й стрк. и изъ 9-й (3 сл.); на стр. 121-й отъ 9-й до 7-й стрк. (снизу); на стр. 123-й изъ 9-й стрк. (1 сл.) и отъ 5-й до 4-й (снизу); на 123-й стр. изъ 4-й стрк. (1 сл.) и отъ 6-й до 8-й стрк.; на стр. 129-й отъ 16-й до 18-й стрк.; на стр. 131-й отъ 15-й до 17-й стрк.; на стр. 133-й изъ 3-й снизу стрк. (2 сл.); на стр. 135-й изъ 3-й стрк. (2 сл.), 12-й (3 сл.) и отъ 25-й до 30-й; на стр. 136-й изъ 1-й стрк. (2 сл.); на стр. 137-й изъ 25 стрк. (2 сл.); на стр. 143-й изъ 18 стрк. (1 сл.); на стр. 147-й отъ 13-й до 15-й строки.

Предлагаемое изданіе „старо-русскихъ повѣстей“ ставить своей цѣлью точное воспроизведеніе подлинныхъ памятниковъ повѣствовательной литературы по рукописямъ и старо-печатнымъ текстамъ. Каждый выпускъ „библіотеки“ будетъ воспроизводить цѣликомъ одинъ какой-либо текстъ въ орѳографіи подлинника. Исключенія будутъ допущены только для слишкомъ громоздкихъ памятниковъ или же по соображеніямъ этико-педагогическаго характера; при чемъ всякое отступленіе отъ текста, хотя бы и самое незначительное, неуклонно регистрируется съ указаніемъ листовъ и строкъ подлинника. При наличности нѣсколькихъ текстовъ памят-

ника избирается текстъ, наиболѣе древній, полный и наиболѣе, наконецъ, характерный во всемъ его цѣломъ съ подведеніемъ въ нужныхъ случаяхъ вариантовъ и изъ другихъ текстовъ даннаго сюжета. Каждый выпускъ „библіотеки“ сопровождается пояснительной статьей редактора и необходимыми комментаріями. „Выпуски“ выходятъ въ свѣтъ иллюстрированными. Если рукопись или старопечатный текстъ — „лицевые“, то воспроизводятся ихъ „лицевые“ изображенія. Въ противномъ же случаѣ рисунки подбираются изъ однородныхъ рукописей и текстовъ того же сюжета или же изъ другихъ источниковъ. „Выпуски“ выходятъ по мѣрѣ ихъ приготовленія къ печати безъ обязательнаго соблюденія послѣдовательности приведеннаго ниже условнаго распорядка. Цѣна отдѣльнаго „выпуска“ поставлена исключительно въ зависимость отъ его заготовочной стоимости. Въ составъ „библіотеки“ войдутъ пятнадцать наиболѣе яркихъ и характерныхъ памятниковъ старо-русской повѣствовательной литературы, которые предположено раздѣлить по порядку выхода въ свѣтъ на двѣ очереди.

Изъ первой очереди напечатаны:

I. „Повѣсть о Россійскомъ Матросѣ Васи́лѣ“. Ц. 35 к.

Мин. Нар. Пр. признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Гл. Упр. воен.-уч. зав. допущена въ фундам. библіотеки военно-учебн. заведеній.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущена въ ученич. библ. духовн. семинарій и женск. училищъ.

II. „Повѣсть о горѣ-злочастіи“. Ц. 40 к.

Мин. Нар. Пр. признана заслужив. вниманія при пополненіи ученич. библіотекъ среди. уч. заведеній.

III. „Повѣсть о Бовѣ Каралевичѣ“. Ц. 50 к.

Мин. Нар. Пр. признана заслужив. вниманія при пополненіи ученич. библіотекъ среди. уч. заведеній.

IV. „Повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ“.

Печатаются:

V. „Повѣсть объ Ерусанѣ Лазаревичѣ“.

VI. „Повѣсть о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ“.

VII. „Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“.

VIII. „Александрія“.

Во вторую очередь будутъ напечатаны:

IX. „Слово о полку Игоревѣ“.

X. „Повѣсть о Петрѣ Златыхъ Ключей“.

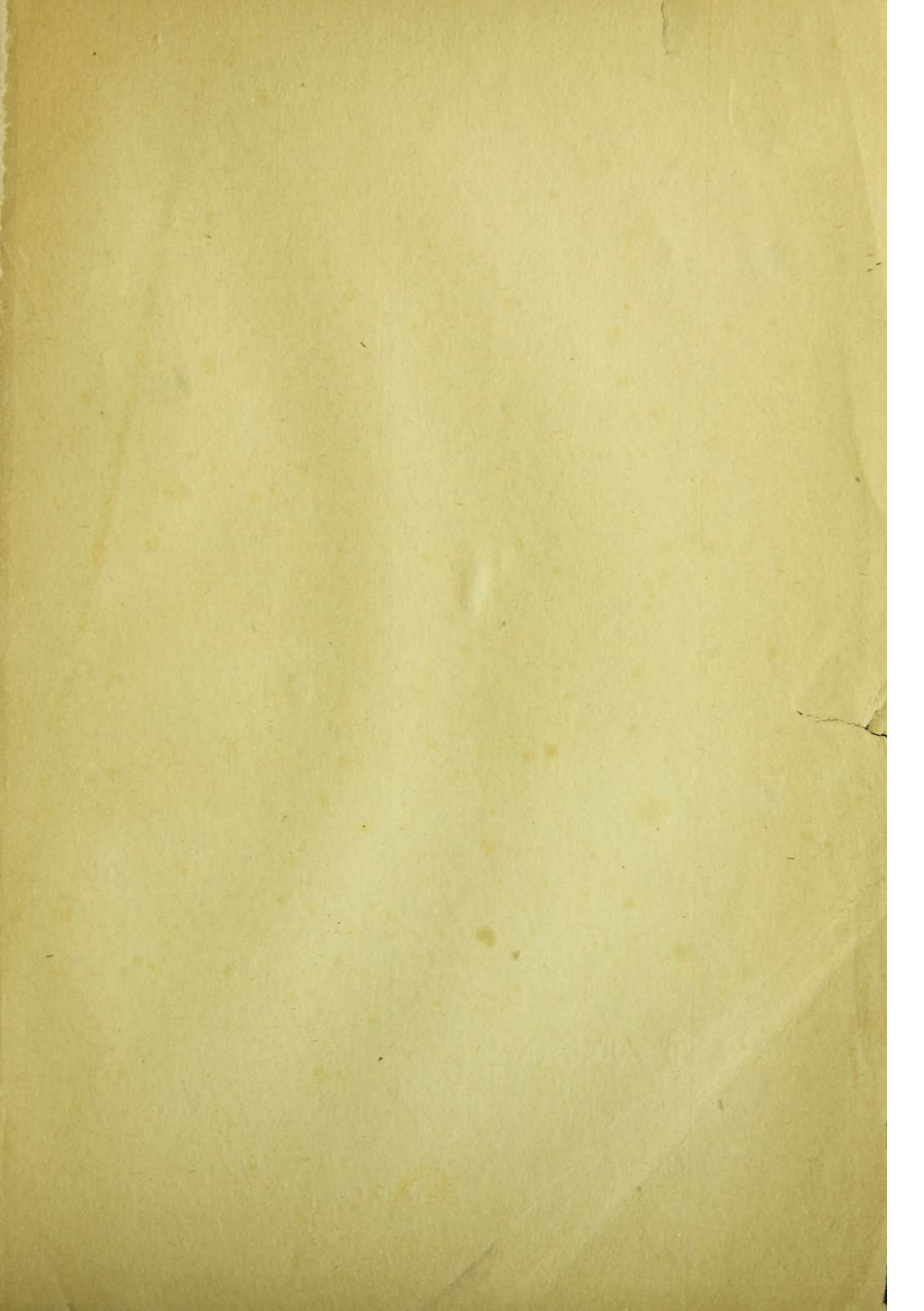
XI. „Повѣсть о Василии Златовласомъ“.

XII. „Исторія славнаго разбойника Ваньки-Каина“.

XIII. „Повѣсть Евгений (Негодяевъ) Измайлова“.

XIV. „Повѣсть объ Іуліаніи Лазаревской“.

XV. „Варлаамъ и Іоасафъ“.

20-00

Библ. № 9

Цѣна 75 коп.

Типо-литографія Т ва И. Д. Сытина. Москва.—1916

